

Царь Эльтеррус

ЧУЖАЯ ШКОЛА

Иар Эльтеррус

Чужая школа

Серия «Чужая школа», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70339525

Аннотация

Миллионы лет назад заброшенная космическая станция в межгалактическом пространстве, бывшая в далеком прошлом элитной школой для одаренных, внезапно снова оказалась полна жизни. Так случилось, что сработала древняя система спасения, и на станцию переместило учителей и учеников небольшой сибирской школы. Одаренных, получивших дар еще дома, поскольку какой-то идиот построил школу на месте древнего капища, где приносились тысячи кровавых жертв. Вот только как выжить на этой станции? Ведь на ней осталось ничего и никого, кроме давно уставшего от жизни искина, когда-то, еще в свою бытность арахноидом, директора школы "Тархи Ла"...

Книга иллюстрирована. Автор искренне благодарит за помощь в создании обложки и иллюстраций Ярослава Васильева

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	56
Глава 3	76
Глава 4	98
Глава 5	117
Глава 6	139
Конец ознакомительного фрагмента.	153

Иар Эльтеррус

Чужая школа

Все совпадения с реально существующими людьми, местами или событиями случайны, книга с начала и до конца является авторским вымыслом.

*Буквы разные писать
Тонким перышком в тетрадь
Учат в школе, учат в школе,
Учат в школе.
Вычитать и умножать,
Мальшей не обижать
Учат в школе, учат в школе,
Учат в школе.
Вычитать и умножать,
Мальшей не обижать
Учат в школе, учат в школе,
Учат в школе.*

*К четырем прибавить два,
По слогам читать слова
Учат в школе, учат в школе,
Учат в школе.
Книжки добрые любить,
И воспитанными быть
Учат в школе, учат в школе,
Учат в школе.
Книжки добрые любить,
И воспитанными быть
Учат в школе, учат в школе,*

Пролог

Тишина и мертвый покой поразили бы случайного свидетеля, ежели бы он каким-то чудом оказался в этом заброшенном многие эпохи назад гигантском зале. В нем царили затхлость и полная темнота. Ничто не нарушало вечный покой, да, наверное, и не могло. Некому было сюда приходить, некому было даже помнить, что это место вообще существует – давным давно ушли в небытие последние из тех, кто знал о существовании гигантского ритуального зала, являвшегося частью куда более грандиозного сооружения, о котором, впрочем, тоже все позабыли. Здесь не было ничего – ни шевеления, ни дуновения ветерка, ни даже легкого шума. Тишина, разруха и пустота. Отсутствие воздуха и дикий, ледяной холод. Никому не дано было знать, сколько тысяч или даже миллионов лет все это длилось, да никого это, впрочем, и не интересовало.

Тысячелетия шли за тысячелетиями, но все оставалось по-прежнему. Уставший от бесконечного одиночества и отсутствия надежды хоть на что-либо древний разум изредка просыпался, не обнаруживал никаких изменений и снова засыпал, надеясь, что однажды ресурсы закончатся, и его на-

конец-то не станет. Слишком надоело бессмысленное, никому не нужное существование. Он невыразимо устал и давно ничего не хотел.

Однако в какой-то момент что-то изменилось. Сначала послышалось странное щелканье, затем нарастающий низкий гул. По скрывающимся в темноте далеким стенам хлестнуло волной синих энергетических разрядов, на потолке неохотно зажглось несколько сотен разрозненных световых панелей, большинство из которых давным-давно пришли в негодность, но некоторые, как ни удивительно, все еще были работоспособны. Их создатели даже такую мелочь, как световые панели для космических объектов, создавали с тысячекратной степенью надежности.

Резкое, неожиданное пробуждение заставило древний разум встряхнуться и вырваться из сонной пелены. Он далеко не сразу понял, что происходит, а когда понял, несказанно изумился. Разве станцию не исключили из кластера еще тогда, когда она опустела? Это должно было произойти автоматически! Однако не произошло, и теперь сюда вскоре перенесет спасенных. Причем, детей! Одаренных детей – высшую ценность мироздания. Но они же здесь погибнут! Нужно срочно активировать систему жизнеобеспечения хотя бы в этом зале. И древний разум поспешно принялся за работу, активировав немногих уцелевших дроидов.

Он едва успел восстановить атмосферу и плюсовую температуру до того момента, когда ритуальная гексаграмма за-

светилась призрачным, пульсирующим светом и выплюнула из себя около двух десятков гуманоидов, кубарем покотившихся по пыльному металлическому полу. Ну вот они и прибыли. Теперь все пойдет по-другому. Может, и ему удастся найти себе новый смысл жизни. Древний разум очень на это надеялся.

Глава 1

Звонок будильника вырвал Ивана Афанасьевича из тяжелого сна, в котором за ним кто-то гнался, кто-то темный, страшный и неумолимый.

– Фу ты, пакость какая... – вытер рукой со лба холодный пот директор школы. – Приснится же...

Да, давно ему не снилось кошмаров. Пожалуй, со времен службы в армии, а тому уже больше сорока лет. Он покачал головой, почесал бороду и бросил взгляд на циферблат будильника на столе напротив. Всего-то половина седьмого, можно было бы еще поспать, так ведь не заснет. Противно болела и дергала нога, сегодня явно придется ходить с палочкой, покалывала печень, ныла поясница, давала о себе знать несильными судорогами старая рана на спине – еще в Афганистане получил, во время упомянутой уже срочной службы. Да, не заснуть. Вставать не хотелось, однако придется – в глотке пересохло, да и белого друга навестить не помешает.

Иван Афанасьевич облизал сухие губы и с тоской посмотрел на стакан с водой, стоявший рядом с будильником. В этот момент все и случилось. Стакан медленно поднялся в воздух и не спеша поплыл в сторону ошалевшего от этой картины директора. Такого не могло быть просто потому, что не могло быть никогда! Однако собственные глаза говорили Ивану Афанасьевичу обратное: стакан все так же плыл по воздуху

к нему, а подплыв, ткнулся прямо в ладонь. Директор взял этот стакан и уставился на него вытаращенными глазами. Затем залпом выпил воду и задумался.

Ведь это не первый странный случай, черт возьми! Просто раньше он старался не обращать на такое внимания, убеждая самого себя, что ему почудилось. Похоже, не почудилось, и в школе № 3 города Сафроновска действительно происходит что-то странное. А уж если вспомнить шепотки окрестных бабок о том, что ее построили на проклятом месте, где испокон веков никто не селился, так вообще появляется повод задуматься. Похоже, эти слухи возникли не на пустом месте.

Иван Афанасьевич принялся лихорадочно вспоминать все, что он порой замечал, но старательно не обращал внимания, не веря, что такое в принципе возможно, и тем самым обманывая самого себя. Несколько эпизодов всплыли в памяти, и он тихо выругался. Взять хотя бы тот, когда дети перекидывались портфелями в раздевалке – эти самые портфели всегда оказывались у них в руках, ни один ни разу не упал, даже если летел из противоположного угла, делая по дороге пару виражей. А если вспомнить, как дежурные мыли пол? Ведь видел же, что тряпка сама елозит по этому самому полу! Почему не обратил внимания? Решил, что показалось? А мел, прыгающий в руку учителя? Ведь и с ним такое не раз случалось! Но это почему-то казалось правильным, само собой разумеющимся.

Потом вспомнилось, как Николай Иванович, физрук,

в одиночку таскал и монтировал в спортзале тренажеры, которые один человек, насколько бы силен он ни был, поднять просто не сможет. А на вопросы бывший майор морской пехоты отшучивался, он хорошо умел уходить от неудобных вопросов, еще на службе научился. Также перед глазами встала картина, как страницы книги сами собой перелистывались перед Ефимом Наумовичем, учителем химии и биологии. Другие не отставали. Но Иван Афанасьевич закрывал на все это глаза, слишком такое выбивало из колеи, шло вразрез со всем, во что он верил.

Похоже, больше нельзя делать вид, что в школе ничего необычного не происходит. Происходит, еще как происходит! Решив еще раз проверить, директор опустил взгляд на стакан, который все еще держал в руке, и пожелал, чтобы тот улетел обратно к столу и опустился на его поверхность. Это тут же произошло. Ивану Афанасьевичу стало слегка не по себе. Ну не был он раньше колдуном или экстрасенсом! Не был! Так каким же образом стал?! В церковь, что ли, сходить? Покаяться? Может, и придется.

За размышлениями, приготовлением и поглощением нехитрого завтрака прошло время до отправления на работу. Иван Афанасьевич всегда ходил туда пешком, благо жил всего в пяти кварталах от построенной три года назад на средства богатого спонсора школы № 3. Если честно, особой

необходимости в ней не было, имеющиеся две школы полностью закрывали потребности Сафроновска, крохотного и мало кому известного городишки в Южной Сибири. Но городское начальство, понятно, от подарка мецената отказываться не стало, тем более, что тот оборудовал школу настолько хорошо, что местные жители ходили туда, как в музей. Особенно поражали компьютерные классы, оборудованные по последнему слову техники, даже голографический проектор имелся. Кабинеты химии, физики и биологии удивляли не меньше.

Также упомянутый меценат выстроил в Сафроновске трехэтажную больницу и до сих пор спонсировал ее, платя огромные, по местным меркам, зарплаты врачам и даже медсестрам с санитарками. До сих здесь и не слышали о зарплатах в сто тысяч у той же нянечки. Понятно, что стремились устроиться в школу и больницу очень многие, хоть кем-то, хоть как-то, ведь немало горожан и до сих получали по двадцать, а то и по пятнадцать тысяч в месяц. А цены росли. Выживали натуральным хозяйством, картошка почти у каждого была своя, как и овощи с огородов.

Одно только очень не нравилось местным жителям. Новую школу построили на проклятом месте, Лысом холме, на который даже дети не забирались, тянуло от него какой-то потусторонней жутью. Старики все поведали приезжему архитектору, но тот только скривился и пробормотал что-то о глупых предрассудках невежественных обывателей. Мо-

жет, он был и прав, поскольку после постройки школы ощущение жути от холма больше не шло.

Многие родители перевели детей в третью школу, которая по сравнению с двумя городскими буквально сияла новизной, а уж как она была оборудована! Наверное, только в Москве и Петербурге имелось нечто подобное. На открытие приезжал сам омский губернатор, так даже он удивился тому, что имелось в провинциальной школе. Директором меценат пригласил заслуженного петербургского учителя Ивана Афанасьевича Нестерова, имевшего несколько государственных наград. Тот потянул за собой всю свою команду – завуча, преподавателей химии, биологии, математики, физического воспитания. Все они получили квартиры в единственном на весь город десятиэтажном доме, построенном для врачей и учителей тем же меценатом.

В школе было выделено двадцать мест для малоимущих учеников и десять для сирот из небольшого сафроновского детского дома. После открытия педагогический коллектив с энтузиазмом приступил к работе. К сожалению, далеко не все удавалось так, как хотелось. Хулиганы оставались хулиганами, а малолетние шлюхи – малолетними шлюхами. И последних оказалось на удивление много для небольшого городка. После расспросов и разговоров с местными жителями вырисовалась очень неприглядная картина. Оказывается, Сафроновск славился безотказными молоденькими проститутками, часто еще школьницами. И затягивали в это

дело многих, поначалу о таком и не помышлявших девочек. Именно проституция составляла основу благополучия довольно большого числа жителей города. Даже мэр с помощниками оказались замешаны в эту грязь. Конечно, неявно, но свой жирный кусок от держателей притонов они получали, за что прикрывали тех от полиции и прокуратуры.

Иван Афанасьевич однажды лично набил морду осмелившемуся появиться в его владениях главному городскому сутенеру, Семену Беззубому, совместив кличку с реальностью – тот лишился передних зубов и теперь щеголял золотыми, как урка в семидесятых. Директор запретил этой сволочи появляться возле школы, пригрозив, что поднимет все свои старые связи в МВД и ФСБ, и тогда сутенеру придется солоно. А связи у него имелись, и немалые, это знали в городе все, поэтому старого учителя и не трогали, другому давно заткнули бы рот. Беззубый решил не рисковать и отступился, однако вылавливал старших девочек в других местах, капая им на мозги и суля золотые горы. Как ни жаль, находились наивные дурочки, которые на это велись. А в центральную гостиницу Сафроновска то и дело наезжали из областного центра, а порой даже из Москвы и Питера солидные господа, желавшие побаловаться молодым мяском. Это началось еще в лихих девяностых и продолжалось до сих пор. Об происходящем все знали, но никто ничего не предпринимал, слишком многим в городе это было выгодно.

Жалобы Ивана Афанасьевича оставались без ответа, на-

оборот, ему настойчиво советовали отступить и не лезть не в свое дело, а то ведь могут быть неприятности. Однако старый учитель не мог позволить себе закрыть глаза на со-
вращение несовершеннолетних девушек и собирался завтра ехать в Москву, к старому другу, ныне полковнику ФСБ. Тот подскажет, что можно сделать, сил терпеть этот кошмар больше не было. Видеть, как еще вчера хорошая, скромная девочка на глазах превращается в развязную шлюху, было физически больно, это следовало остановить любой ценой, даже если этой ценой станет жизнь Ивана Афанасьевича. Он был готов ко всему.

Собравшись, старый учитель погладил портрет жены в траурной рамке, она умерла четыре года назад, и ему очень ее не хватало. А затем покинул квартиру, не зная, что уже никогда в нее не вернется.

Неспешным ходом добравшись до школы за четверть часа, Иван Афанасьевич поздоровался с как раз вышедшим из подвала завхозом, Егором Кузьмичом Бойченко, хитрым, всегда хмурым лысым мужичком, зато мастером на все руки, потому его и приняли на эту должность. Директор ни разу не пожалел о своем решении – все в школе работало как часы.

– И вам здорову, – недовольно пробурчал Кузьмич. – Иван Афанасьевич, ну не знаю я, как энти проклятые бомжи сюда забираются и чего их в школу тянет, будто им тут медом намазано! Седня опять троих из подвала вытурил! Вчера двоих! Это чего ж детсяя, а? Совсем охренели! А участ-

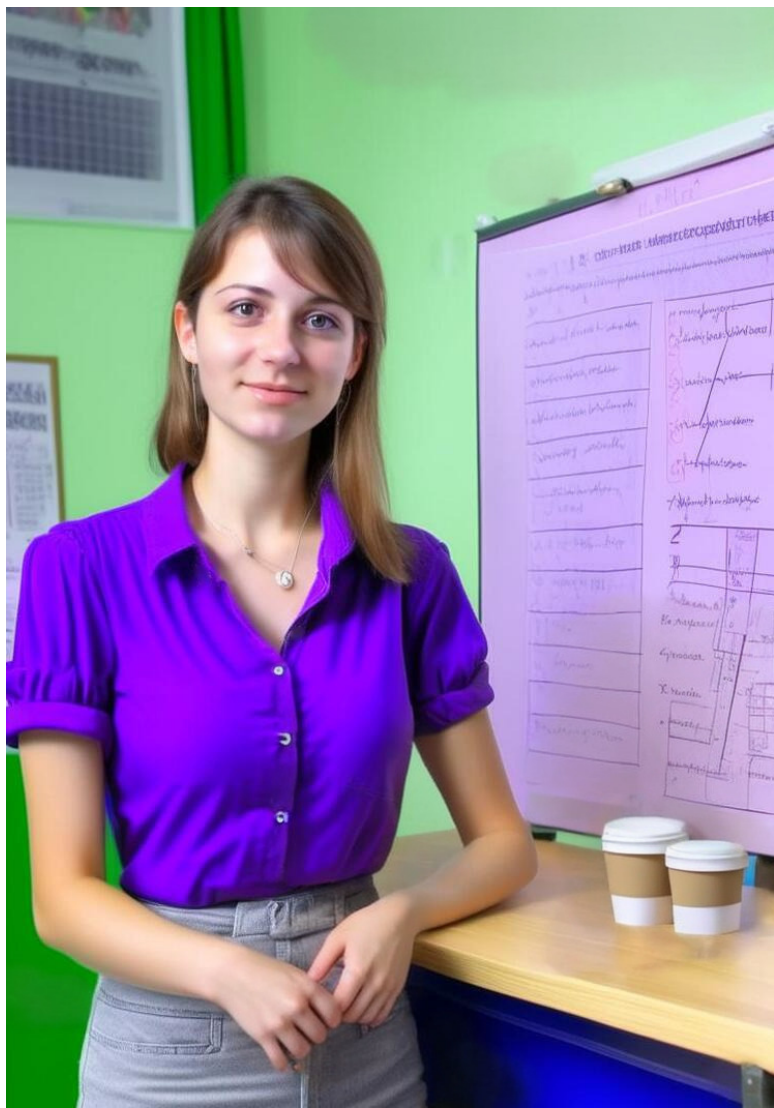
ковый ничо делать не хотит! Я ему уж пять заявлений накалякал! Бурчит, что пока, мол, не убили али не украли, все в порядке. А что энти вонючки мне весь подвал изгваздали да обоссали, энто как?!

Действительно, школа переживала какое-то нашествие бомжей. Буквально все бездомные не только из города, но и из окрестностей стремились хоть раз переночевать в школьном подвале, утверждая, что после этого все болячки проходят. Один вообще заявил, что забыл про цирроз печени. А как бомжи ухитрились пробираться в запертый подвал и вовсе оставалось загадкой. Но не проходило дня, чтобы завхоз не выдворял оттуда одного-двух.

– Не знаю я, что с этим делать, Егор Кузьмич, – развел руками директор. – Гоняйте их, я вам премию выпишу.

– Лады, Иван Афанасьевич, – сразу подобрел завхоз. – Пойду дальше трубы проверять, чегой-то мне их поведение не нравится, где-то течь.

Директор кивнул ему и отправился дальше. Войдя в учительскую, он поздоровался с присутствующими, а присутствовали далеко не все – двадцатое августа только, многие еще не вышли из отпусков. Возле стола слева стояла новенькая учительница русского языка и литературы, Ирина Васильевна Томилина, совсем еще девочка, сама выглядящая десятиклассницей. Не очень красивая, но милая. Она тоже поздоровалась и радостно улыбнулась Ивану Афанасьевичу.

– Приветствую, – прогудел Константин Петрович Воложин, трудовик, кряжистый сибиряк с окладистой, ухоженной бородой. По постановлению президента в школах России два года назад снова ввели уроки труда, пришлось срочно искать преподавателя, причем непьющего, что было труднее всего. Нашел, и очень хорошего.

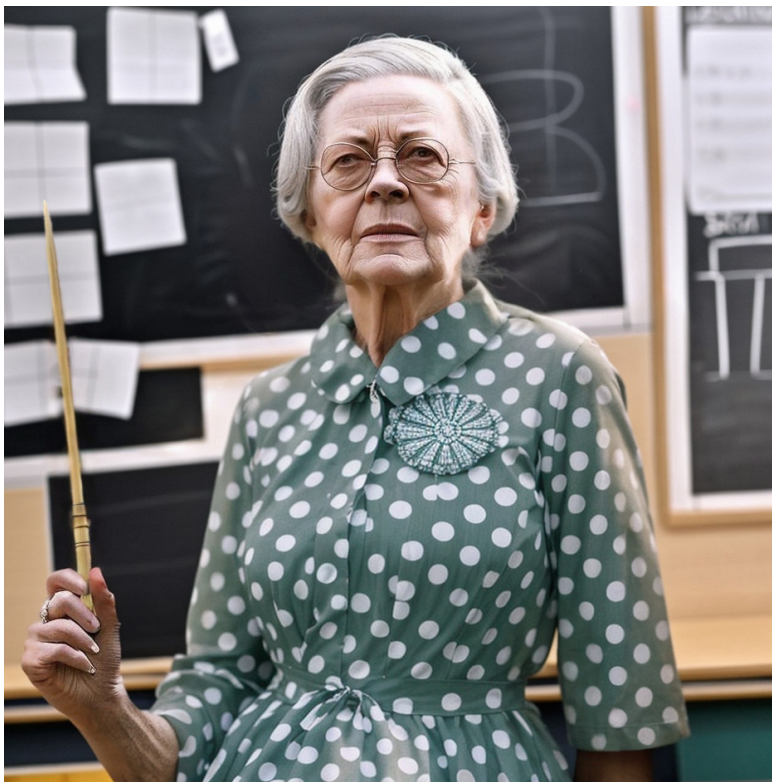

– И вам доброго дня, – поднял голову от планшета Ефим Наумович Дейнего, одесский еврей, сбежавший из Украины после событий второго мая две тысячи четырнадцатого года и с тех пор люто ненавидевший бандеровцев, желая им всяческих несчастий. В школе он преподавал химию и биологию – Слышали, эти сволочи опять Донецк обстреляли! Ну когда же наши начнут воевать всерьез, а не на полшишечки?!

– Тише, Ефим Наумович, тише, – выставил руки перед собой директор. – Я полностью разделяю ваше негодование, но от нас ничего не зависит. К сожалению. А теперь, коллеги, я хотел бы обсудить...

Его прервала распахнувшаяся настежь дверь, в которую буквально влетела завуч, Мария Степановна Холмогорова, сухощавая пожилая женщина, чем-то сильно похожая на Минерву Мак-Гонагалл из фильмов о Гарри Поттере. Она прекрасно знала об этом сходстве и порой подчеркивала его, держа указку, как волшебную палочку, и с интересом наблюдая за реакцией учеников и родителей. Коллеги к ее чудачествам давно привыкли. А дети за глаза прозвали старой кошкой.

– Нет, это чистой воды безобразие! – с порога высказалась завуч. – Просто безобразие!

– Что случилось, Мария Степановна? – поинтересовался Иван Афанасьевич.

– Девочки наши, десятиклассницы! – агрессивно заявила

та. – Маша Старцева опять на своем мопедике заявила одетая так, что у меня чуть когнитивный диссонанс не случился! Вы бы видели цвет и расцветку ее куртки! Это же жуть какая-то!

Директор улыбнулся. Да, одевалась упомянутая девочка действительно нестандартно. Но его беспокоило по ее поводу совсем другое. По школе ходили настойчивые слухи, что Машка дает, и были они, похоже, не только слухами, поскольку учителя пару раз выпроваживали девушку из мужского туалета. Белокурая, симпатичная, но далеко не красавица. Почему-то Семен Беззубый обихаживал Машу больше, чем других ее сверстниц. И неизвестно, не поддалась ли на его уговоры сирота при живой матери-алкоголичке. Пока было известно, что подрабатывает девочка в свободное время в местном «Вкусно – и точка», а там потогонка, да и платят копейки. Могла и соблазниться «легкими» деньгами.

В школе, как уже говорилось, были такие компьютерные классы, что оставалось только завидовать, и Ивана Афанасьевича уговорили разрешить на лето открыть для учеников компьютерный кружок, который взялся вести на общественных началах Ефим Наумович, поскольку неплохо разбирался в вычислительной технике и часто подменял болезненного учителя информатики. Он мотивировал это тем, что пусть лучше дети сидят за мониторами под присмотром, чем ищут себе приключений на пятую точку. Иван Афанасьевич подумал немного и согласился. Действительно, лучше.

В итоге даже летом в школе было довольно шумно, десятков-другой учеников всегда находились здесь, обсуждали что-то свое, смотрели фильмы на большом экране, благо

проектор имелся, вместе играли в разные онлайн-игры, учились программировать и создавать сайты. Ефим Наумович, невзирая на свой вид строгого учителя, умел находить общий язык с детьми, вокруг него всегда толпились разновозрастные мальчишки и девчонки.

– А кто следит за детьми в компьютерном классе? – встревожилась Мария Степановна.

– Сережа Хрущ, – ответил биолог. – У него не забалуешь.

Завуч успокоенно кивнула. Действительно, первый си-
лач школы баловства не терпел и порядок наводил быстро
и жестко, учителя ему доверяли и часто оставляли на него
малышей, с которыми парень умел обращаться на удивление
хорошо, сказывалось детдомовское прошлое. Родная тетка
не сразу забрала его к себе после смерти родителей, погиб-
ших в автокатастрофе, и Сережа провел несколько лет в дет-
доме. Вот только тетке он оказался не слишком нужен, взяла
она племянника только потому, что так положено. В школе
он накоротке сошелся с физруком, Николаем Ивановичем
Сафроновым, бывшим майором морской пехоты Тихоокеан-
ского флота. Ивану Афанасьевичу его порекомендовал ста-
рый друг, и с тех пор физрук был в его команде, переходя
вместе с лидером из школы в школу. Сереже Сафронов по-
советовал поступать в военное училище, и парнишка всерьез
к этому готовился.

В учительской словно призрак возник Николай Иванович, он умел ходить совершенно бесшумно, что было удивительно при его габаритах. Невысокий, но очень мускулистый седой мужчина с офицерской выправкой двигался так, что дух захватывало. Немногих избранных он обучал боевым искусствам, но брал далеко не всех желающих. И прежде всего никогда не брал хулиганов, способных использовать его науку ради злых дел.

– Вот все и собрались, – улыбнулся физруку Иван Александрович. – Коллеги, я хотел поднять очень важный вопрос, на который мы все уже год старательно не обращаем внимания.

– И что же это за вопрос? – явно удивилась Мария Степановна.

Директор молча протянул руку вперед, и классный журнал, лежавший на дальнем столе, прилетел ему в руку.

– Думаю, все уже заметили, что в этой школе мы приобрели некие странные способности, – констатировал он. – Я многое видел, но закрывал на это глаза, заставлял себя не обращать на необычные происшествия внимания, не желая расставаться с привычным мировоззрением. Но сегодня утром реальность оказалась таковой, что дальше так вести себя стало нельзя.

– Да, заметили, – тяжело вздохнула завуч и провернула тот же фокус с куском мела.

Остальные учителя, кроме изумленной до предела новенькой, Ирины Васильевны, молча кивнули, и каждый что-то показал. Николай Иванович вообще зажег над ладонью белый огонь, от которого явственно потянуло жаром. Константин Петрович взглядом скрутил два толстых гвоздя воедино, а затем сплавил их. Ефим Наумович с улыбкой стянул влагу из воздуха в водяной хлыст, светящийся призрачным светом, и негромко сказал:

– А я все думал, когда же хоть кто-нибудь решится об этом заговорить... И, если честно, думал, что первым будет либо Константин Петрович, либо Николай Иванович. Но никак не вы, Иван Афанасьевич. Ошибся, получается.

– Считали меня слишком приземленным? – приподнял бровь директор.

– В общем, да... – смущенно признался биолог. – Извините...

– Да не за что, – усмехнулся Иван Афанасьевич. – Я действительно всегда предпочитал реальность любым фантазиям. Но вот это, – он снова усилием воли поднял в воздух журнал, – уже не фантазии.

– И что вы предлагаете с этим делать? – хмыкнул Николай Иванович. – Вы же понимаете, что наше родное государство нас в лаборатории засадит и никогда оттуда не выпустит? Кто как, а я подопытным экземпляром становиться не желаю и не собираюсь.

Директор вздохнул. Физрук, после того, как его в нача-

ле нулевых вышвырнули из армии без выходного пособия, очень обиделся на государство и не доверял ему ни в чем. Ситуация давно изменилась, но Николай Иванович продолжал тешить и лелеять свою обиду. Никакие доводы на него не действовали, не верил он в изменения. Даже когда началась СВО ради защиты жителей Донбасса от нацистов, не поверил, бурча, что это опять ради какой-то гнусности делают. Ведь у власти все те же поганые капиталисты.

– Послушайте, но ведь если мы это можем, то дети, получается, тоже? – побледнела Мария Степановна.

– Так, а вот это мне в голову почему-то не пришло... – встал севший было Иван Афанасьевич. – Видел же не раз фокусы всякие в их исполнении. Пойдемте-ка в компьютерный класс, поспрашиваем.

Учителя дружной гурьбой покинули учительскую и двинулись по коридору в сторону большого класса, в котором имелось больше тридцати компьютеров и прочая аппаратура. К счастью, никто в городе не обворовывал детей. Как стало известно директору, в Сафроновск ненадолго приезжал вор в законе и заявил, что тот, кто обворует детей, учителей или врачей, будет иметь дело с ним. Местный преступный мир впечатлился и взял школу под негласную охрану. Насколько понял Иван Афанасьевич, это произошло с подачи мецената. Он каким-то образом договорился с ворами. Директора совершенно не интересовало, каким. Главное, что на его вотчину никто не покушался. Кроме разве что бом-

жей, пробиравшихся в подвал. Но даже они ничего не ворovali.

В классе оказалось довольно многолюдно. Восемь будущих десятиклассников, трое ребят и пять девушек. Гена Койтов, страстный любитель аниме и косплея напялил на себя какой-то странный комбинезон, ему помогала в его хобби старшая сестра, швея. Сергей Хрущ, как всегда мускулистый и основательный, краем глаза приглядывал за младшими, чтобы чего не учудили. Витя Хмуров увлеченно изучал изображения какого-то мотоцикла на экране, он пока ездил на мопеде, но все равно называл себя байкером. Над парнишкой посмеивались, но добродушно.

А вот девушки вызывали у Ивана Афанасьевича куда больше беспокойства. Особенно две – Маша Старцева и Галя Дурново. Если первая ярко одевалась, красилась как шлюха и гордо называла себя таковой, то вторая выглядела скромно, мало с кем общалась, но в этом тихом омуте явно водились очень большие черти. У директора с юности был острый нюх, о чем мало кто знал, он не раз ощущал идущие от Гали мускусные запахи, так пахла его жена после брачных игр. Ночью девушка явно была с мужчиной, и, судя по запахам, не с одним. Иван Афанасьевич прекрасно понимал, что это значило, ее, похоже, паскудный Беззубый сумел убедить, но поговорить с Галей никак не получалось, на контакт она не шла.

Три другие десятиклассницы были, к счастью, еще невинны, это опытному человеку было ясно, как божий день. Хотя Валя Семенова, сейчас изучающая крой роскошного балльного платья, явно станет в будущем роковой женщиной. Пока она была не слишком красива, но уже видно, какой станет через несколько лет. Парни будут у ее ног штабелями лежать. Зина Горяева в наушниках смотрела какой-то приключенческий фильм. Мелкая трещотка и отчаянная балаболка, такой она, похоже, и останется, способна любого заговорить. Влада Коротенко увлеченно читала на каком-то сайте очередной любовный роман, до которых была большая охотница.

Восемь пятиклассников и два третьеклассника сгруппировались возле большого игрового монитора и явно во что-то играли, поскольку то и дело слышались азартные возгласы наподобие: «Ну, наподдай ему!», «Налево иди, налево!», «Тут ловушка, обходи!». Иван Афанасьевич с улыбкой посмотрел на них. Пять мальчиков и пять девочек, правда среди последних две, Лариса Субботина

и Аня Кайнеберг, были явными пацанками и носились по улицам с мальчишками.

Зато остальные три, Аня Смирнова,

Ксюша Гартова

и Марина Мироненко,

на первый взгляд казались примерными девочками, хорошо учились и слушались учителей, но у каждой имелась своя червоточинка.

Из мальчиков директору больше всего нравился Ваня Луговой, белокурый и очень симпатичный, когда подрастет, девушки к нему буквально липнуть станут. Страстный любитель фантастики, как и Ефим Наумович, скрывавший свою, как он говорил, пагубную, страсть от коллег. Мальчишка смог вычислить химика по заинтересованным взглядам, которые тот бросал на принесенные в школу новые книги Лукьяненко и Злотникова. После чего зажал учителя в углу и разговорил. С тех пор они не раз обсуждали прочитанное. Иван Афанасьевич наблюдал за этой эпопеей с улыбкой, он про страсть Ефима Наумовича знал и одобрял ее, сам на досуге любил почитать что-нибудь эдакое, про космос.

– Дети, внимание! – заговорил директор, выйдя в центр класса.

Ученики неохотно начали оборачиваться к нему, отрываясь от экранов. Однако рассказать о своих новых способностях Иван Афанасьевич не успел.

Стены класса внезапно стали красными, по ним поплыли какие-то непонятные символы, послышался нарастающий низкий гул, все вокруг затряслось, словно в лихорадке. А затем послышался идущий одновременно со всех сторон нечеловеческий, пугающий голос:

– Внимание, до полного уничтожения школы остался один ларс. Всем приготовиться к переносу!

Дети повскакивали из-за компьютеров, учителя принялись оглядываться, не понимая, что происходит, но больше ничего сделать не успели. По классу пробежала волна света, и он мгновенно опустел.

Весь Сафроновск видел, как стоящая на Лысом холме третья школа внезапно вспучилась, словно ее раздули изнутри, и с диким грохотом обрушилась, превратившись в груды развалин. Зазвучали тревожные сирены, горожане толпами побежали к холму, а добежав, принявшись лихорадочно разбирать завалы в надежде найти хоть кого-то живого. Однако, странное дело, в развалинах не обнаружили ни одного тела, хотя школа пустой точно не была, кто-то видел заходивших туда учителей и учеников. Еще кто-то заметил недавно при-

ехавшую на крошечном мопедике белокурую девушку в кожаной куртке попугайской расцветки. Этот мопедик, кстати, тоже куда-то подевался.

Следственный комитет без промедления возбудил уголовное дело о теракте, на дыбы от возмущения встала вся страна – давно в России не взрывали школ. Поэтому виновных отыскивали на удивление быстро. Как выяснилось, местные мафиози очень не хотели, чтобы наступивший им на хвост директор добрался до Москвы, однако сами себе подгадили. Столичные следователи, а резонансное дело о взрыве школы у местных, скупленных на корню правоохранителей уже на второй день отобрала столица, быстро выяснили в чем тут дело, и подпольные бордели Сафроновска были все до единого закрыты, а их держатели и сутенеры отправились до конца жизни валить лес. Посадили даже мэра с помощниками. Однако куда подевались тела погибших, так и осталось загадкой.

Глава 2

Ивана Афанасьевича вертело, как на карусели, вокруг то вспыхивало, то гасло разноцветное сияние. Воздуха не хватало, легкие уже начинали гореть, когда его вышвырнуло куда-то. Старый учитель покатился по пыльному металлическому полу в мелких нарезках. Остановился он, только ударившись об какой-то тоже металлический ящик. С кряхтением встав, директор потер болящую поясницу и с недоумением огляделся.

Он находился где угодно, но только не в компьютерном классе родной школы. Огромный, непредставимо огромный зал, стены которого терялись в темноте. Весь его вид говорил о разрухе и запущенности, над головой слабо светились разрозненные то ли панели, то ли сегменты. На полу виднелись бесчисленные каббалистические фигуры, пентаграммы и прочая магическая муть. Там и тут попадались ящики, об один из которых и ударился Иван Афанасьевич.

– Ох, мамочки... – с трудом встала, держась за ушибленный бок, Мария Степановна. – Это что же такое было?

– Понятия не имею, – недовольно пробурчал Константин Петрович, выпутывая из бороды какой-то странной формы стержень.

– Думаю, теракт, – холодно заявил настороженно оглядывающийся по сторонам Николай Иванович. – Вы слышали

слова о переносе? Похоже, сработала какая-то автоматическая система безопасности. Это что же при постройке наш дорогой меценат туда заложил? Впервые про такое слышу. Вопрос в другом. Где мы? И как выбраться наружу? А выяснение того, как мы тут оказались, можно отложить на потом.

Директор покивал. Бывший офицер все разложил по полочкам. Действительно, нужно поскорее выбраться из этого давно заброшенного помещения и вызвать помощь. А может прямо отсюда позвонить? Он вытащил телефон и обнаружил, что нет сигнала.

Раздался детский плач. Плакала самая маленькая из девочек, Аня Кайнеберг, тоже убедившаяся, что домой не позвонить. Завуч кинулась к ней, обняла и принялась утешать, хотя у нее самой тряслись руки. Остальные ученики растерянно оглядывались.

– Где это мы? – хмуро спросил Сережа Хрущ.

– Никто не знает, – подошел к нему Иван Афанасьевич. – Будем искать выход. Нужна твоя помощь, Сережа. Последи за порядком, пожалуйста, особенно среди малышей, чтобы никто не отходил далеко от остальных.

– Хорошо, – кивнул парень. – Так, народ, от меня не отходить!

Внезапно неподалеку от них сантиметрах в двадцати над полом засветился воздух, и оттуда посыпались разные вещи. Портфели, сумки, одежда, несколько ноутбуков. Последним вывалился маленький мопед.

– Ой, мой мопедик! – всплеснула руками Маша Старцева.

– Моя сумка! – вторила ей Валя Семенова.

– Мой планшет! – обрадовался Ваня Луговой. – Здорово, у меня там куча фантастики!

Остальные тоже обнаружили и разобрали свои вещи, которые кто-то неизвестный переместил сюда. Вот только способ перемещения вызывал немало вопросов. Это что, фантастическая телепортация? Или что-то другое? Никто не знал, но все, даже дети, понимали, что дома случилось что-то очень плохое. Их кто-то спас. Но как теперь вернуться в родной город? Ведь у многих остались там родители, братья и сестры.

Воздух снова засветился, и на пол выпал завхоз, трясущий какого-то грязного бомжа. Вслед за ними в зале оказались две собаки и три кошки, жившие при школе. Егор Кузьмич, похоже, не заметил переноса, он продолжал трясти несчастного бомжа, кроя его такими матами, что Мария Степановна и несколько девочек покраснели.

– Немедленно прекратить! – приказал Иван Афанасьевич. – Егор Кузьмич, это что такое?

– Ой, а как вы тут оказались? – удивился тот. – Стоп, а где это я? Это ж не подвал, где я этого козла поймал!

– Понятия не имею, – вздохнул директор. – Стены в классе внезапно стали красными, затем чей-то голос сказал, что школа вот-вот будет уничтожена, и велел готовиться к переносу. Потом нас сюда и перенесло. Видимо, это автомати-

ческая система, которая спасает всех живых существ, иначе не объяснить появление животных. Я...

Ему не дал договорить грохот свалившегося из воздуха на завхоза большого ящика с инструментами, принадлежавшего ему. Егор Кузьмич схватился за голову, которую тот вскользь задел, и снова цветисто выматерился. Потер здоровенную шишку, и в который раз помянул по матушке того, кто все это устроил. Потом спохватился, что здесь женщины и смущенно умолк. С угрозой посмотрел на бомжа, с недоумением оглядывающегося по сторонам.

– Успокойтесь, – положил ему руку на плечо Иван Афанасьевич. – Мы сейчас все в одной лодке. Вы кто, уважаемый?

– Булыгин, Леонид Михайлович, – отозвался бомж, с кряхтеньем вставая. – Но все зовут попросту Булыгой. В прошлом – профессор физики в Омском университете. Но... честно признаюсь, спился. Жена выгнала. С тех пор бомжую.

– Так вы физик?

– Был когда-то.

– Способ переноса, это что по-вашему? – спросил директор.

– А черт его знает! – пожал плечами Булыга. – Не будь я уверен, что телепортация невозможна, сказал бы, что это она. Только как отсюда выбираться?

– Надо искать выход, – вздохнул Иван Афанасьевич.

– Пошли вон в ту сторону, – коснулся его плеча Николай Иванович, он сейчас походил на охотящегося кота, словно перетекая с места на место. – Там что-то другое виднеется, не мистические фигуры на полу и бесчисленные ящики. Может, это выход.

Директор кивнул, и они направились в указанную сторону, обходя ящики, некоторые из которых были попросту огромны, в несколько человеческих ростов. Остальные, немного помедлив, поспешили за ними, никому не хотелось оставаться в этом странном месте, оно чем-то подсознательно пугало. Маша Старцева тащила с собой мопедик, напрочь отказавшись бросать его.

Идти пришлось чуть ли не километр, по словам Ефима Наумовича, имевшего при себе счетчик шагов. Наконец Иван Афанасьевич и Николай Иванович оказались перед странными, непривычной формы, покрытыми слоем пыли шкафами и тумбами, на которых кое-где перемигивались

огоньки. Немного в стороне и в самом деле виднелся проход. Куда он вел? Трудно сказать, в нем царила темнота. Пахло пылью и затхлостью, сунувшийся туда физрук даже расчихался.

– Похоже, это какие-то пульта, – уронил Булыга. – Может, мы на заброшенной, еще советской подземной военной базе?

– Надписи на незнакомом языке, – возразила Мария Степановна, смахнув пыль с поверхности одной тумбы.

На ней действительно виднелись словно стелящиеся надписи, немного напоминающие арабские, но более угловатые.

– Дети, на пультах ничего не нажимать! – зауч повернулась к школьникам, с интересом изучавшим бесчисленные переключатели, шкалы и огоньки на тумбах. – Еще запустим что-нибудь не то.

– Я прослежу, – пообещал Сережа, схватив за ухо уже протянувшего руку к переключателям девятилетнего Кольку Дугаря. – Сдурел? Хочешь, чтобы рвануло?

– Не... – испуганно выдохнул тот. – Отпусти, больно!

– Думай сперва, не дурак же вроде, – отпустил его культурист. – Ребят, вы чего? Нельзя ж трогать ничо. Кто знает, что оно такое?

Внезапно на учителей и учеников навалилась дурнота, они все сели на пол, кто где стоял. Каждому показалось, что под черепом начали шарить чьи-то пальцы, даже, скорее, бесчисленные тонкие щупальца. Ощущение было на изумление отвратительным, казалось, нечто невидимое тщательно

изучает тебя всего, выставляя напоказ самое тайное и сокровенное. А затем все разом прекратилось. Люди принялись вставать, с недоумением переглядываясь.

Раздался какой-то шум, треск, а затем хриплый, потрескивающий голос произнес:

– Здравствуйте! Приношу свои извинения за неприятные ощущения, но у меня не было другой возможности изучить ваш язык, а без этого коммуникация между нами становилась невозможной. Мне пришлось считать знания языка и реалий вашего мира прямо у вас из памяти при помощи ментоскопа, а он за годы бездействия потерял калибровку.

– Кто вы? – обрадовался появлению кого-то местного Иван Афанасьевич. – Где вы? Покажитесь!

– Простите, не могу, – ответил незнакомец. – Я – искусственный интеллект, и я вокруг вас. Имя – Айтос. Когда-то, задолго до перемещения моего сознания в искина, я был одним из директоров этой школы.

– Это школа?

– Очень давно являлась таковой. Школа для одаренных «Тархи Ла», в свое время она считалась самой престижной по всей галактике, конкурс на место при поступлении составлял до трех тысяч разумных. Но потом произошло нападение, дети и персонал были перенесены куда-то той же системой, что спасла вас, а я в последнее мгновение перед уничтожением станции успел нырнуть в блуждающую червоточину и оказался в межгалактическом пространстве. С тех

пор станция вот уже шесть миллионов лет пребывает здесь, без капитана я не могу запустить двигателя.

– Станция? – тупо переспросил растерянный Иван Афанасьевич. – Межгалактическое пространство? Так мы не на Земле?!

– Что такое земля? – поинтересовался Айтос.

– Наша планета.

– Нет, вы точно не на планете. Хотя очень странно, что вас перенесло именно сюда, «Тархи Ла» почему-то не исключили из системы спасения, хотя раньше после ее срабатывания это делалось автоматически. Вас вообще-то должно было перенести в ближайшую школу для одаренных на вашей планете. Почему этого не случилось я не понимаю. Система надежно работает не один десяток миллионов лет. Ни разу до сих пор не было сбоев!

– Что вы подразумеваете под словом «одаренный»? – нахмурилась Мария Степановна, очень не любившая, когда людей делили на какие-либо категории.

– Обладающий особыми способностями, – лаконично ответил искин.

– Такими? – поинтересовалась завуч, усилием воли поднимая с пола какой-то неизвестный предмет, напоминающий кособокую, перекрученную юлу.

– Да, вы все здесь одаренные, разве что вот эти двое имеют пока не раскрытый дар, – над Ириной Васильевной и Булыгой появились световые кольца. – Однако на станции силь-

ный источник, скоро они пробудятся. А почему вы спрашиваете? Ведь не будь вы одаренными, система вас спасти просто не стала бы. Такой ее создали.

– Знаете, мы ничего не понимаем, – устало потер лицо Иван Афанасьевич. – Мы и одаренными, как вы говорите, стали совсем недавно и очень этому удивлены. Никогда раньше не слышали ни о какой системе спасения. Других школ для одаренных на Земле тоже нет, некуда было нас перемещать. Не могли бы вы по порядку рассказать, что все это такое?

– Хорошо, мне нетрудно, – после небольшой паузы ответил Айтос. – Дело в том, что уже многие десятки миллионов лет высшей ценностью мироздания считаются одаренные дети. В любой цивилизации и любой разумной расе.

– А не одаренных, значит, спасти не надо? – не выдержала такого откровенного нацизма Мария Степановна. – Они мусор, что ли?

– Нет, конечно, – явно удивился искин. – Однако система их просто не видит, она, извините, туповата. Нет, если в эвакуируемой школе будут не только одаренные, она их спасет за компанию. Но не более того. Дело в том, что ее создавали перешедшие на иной уровень бытия, она и существует где-то там, за пределами мироздания, в Сферах Творения. Почему ее создали такой я понятия не имею, но она именно такая – логика перешедших мне непонятна, она у них какая-то выкрученная, что ли. Школы в себя система включает автома-

тически, как только где-то количество одаренных детей превысит количество не одаренных. Так, видимо, произошло и с вашей, когда большинство детей получили дар.

– Откуда он взялся, этот чертов дар? – в голосе Николая Ивановича слышалась откровенная досада.

– Сколько лет назад была построена ваша школа? И на каком месте?

Директор, переглянувшись с коллегами, поведал историю школы № 3 города Сафроновска. Айтос некоторое время молчал, затем предположил:

– Похоже, ее построили на месте Силы, иначе говоря, на источнике. Причем, не знаю, как вы к этому относитесь, однозначно темном источнике, созданном, скорее всего, при помощи массовых жертвоприношений разумных существ. Поэтому дар у вас всех тоже темный, этого никак не изменить. Длительное нахождение около сильного источника делает разумных одаренными, это давно известный факт.

– Неприятное известие, но что поделать, – нахмурился директор. – Но почему сработала эта чертова система? Почему нас перенесло сюда? Именно из-за отсутствия на Земле школ для одаренных?

– Скорее всего, именно так, – задумчиво произнес искин. – Сработала же система потому, что вашей школе грозило одномоментное уничтожение, вы все находились на волосок от гибели. Она отслеживает в вероятностном поле все

подключенные к ней школы на предмет опасности, и едва обнаруживает таковую, как происходит срабатывание. А вот почему перенесло ко мне, я и сам не понимаю, неужели в вашем рукаве галактике не нашлось ни одной нужной школы? Видимо, нет, поскольку система всегда переносит спасенных в наиболее близкую по расстоянию. Самое неприятное, что сейчас станция равноудалена от восьми галактик, и понять из какой вы родом не представляется возможным. Разве что обследовать все по очереди, а это вряд ли возможно, даже если нам удастся запустить двигатели. На это понадобятся сотни, если не тысячи лет.

– Думаю, это задача не первостепенной важности, – заметил Николай Иванович, быстро адаптирующийся к любой ситуации. – Раз немедленное возвращение домой невозможно... А оно действительно невозможно?

– К моему глубокому сожалению, невозможно. На борту имеются телепортационные лифты, но они давно не работают. Так что вернуть вас на вашу планету я не в состоянии, тем более, что ее координаты неизвестны.

– Ясно, – помрачнел физрук и риторически спросил: – И что нам теперь делать?

– Полагаю, для начала следует выжить, – принял вопрос на свой счет Айтос. – Прежде всего надо открыть хотя бы вспомогательные склады, находящиеся в стазисе, иначе вы все через некоторое время умрете от голода. Воду я еще могу синтезировать, а вот продукты – нет, рабочих пищевых син-

тезаторов не обнаружено. Да и жилые помещения за шесть миллионов лет пришли в полную негодность. Все, что могло истлеть, истлело. Разве что капитанское крыло полностью цело, но оно тоже под стазисом, а снять его сможет исключительно сертифицированный капитан. Сертифицировать я право имею, но только после сдачи квалификационного экзамена. Также претендент обязательно должен быть действующим или отставным офицером, прослужившим не менее пяти лет. Желательно во флоте.

– Ну, ко мне последнее точно относится, – хмыкнул Николай Иванович. – Прослужил двенадцать лет в морской пехоте Тихоокеанского флота. Вышел в отставку в звании майора. Но кораблями не управлял, только служил на них.

– Неважно, главное, что вы имеете понятие о том, как должна быть устроена корабельная служба, – явно обрадовался искин. – Также для открытия складов, особенно главных, необходим сертифицированный директор школы, имеющий не менее тридцати лет педагогического опыта. Я, когда еще был живым, занял эту должность после ста двадцати лет работы в школах попроще. Это притом, что я являлся отнюдь не гуманоидом, а арахнидом, двухметровым шерстистым пауком. В «Тархи Ла» учились и работали представители более трехсот разумных рас. Естественно, кислородышащих. Для фтородышащих имелась другая станция, «Тхарти Ла». Для водных – «Арати Ла».

– Это все, конечно, очень интересно, но нам действи-

тельно стоит подумать о выживании, раз ситуация такова, – решительно заявила Мария Степановна, блеснув очками. – Значит, чтобы открыть склады необходимы капитан и директор?

– Да.

– Тогда предлагаю в капитаны Николая Ивановича Сафронова, как бывшего офицера. А в директора – Ивана Афанасьевича Нестерова, заслуженного учителя Российской Федерации, опыт работы больше сорока лет.

– Принято, – согласился Айтос. – Но для начала следует сертифицировать их, а для этого придется пройти обучение. Это возможно только в медцентре, он тоже под стазисом, но управляется автономным неразумным искином. Нужно добраться туда, приложить конечность к красному сенсору возле люка и попросить помощи, сообщив об угрозе для жизни разумных. Медцентр будет немедленно выведен из стазиса. Там, кстати, могут найтись и рабочие пищевые синтезаторы, я туда доступа не имею. И где отдохнуть найдется.

– Как туда добраться? – деловито спросил Николай Иванович.

– В этом-то и проблема, – симитировал вздох искин. – До медцентра больше четырехсот километров. Станция огромна по вашим меркам – шестьсот сорок километров в диаметре.

– Ого! – присвистнул физрук. – Но делать нечего, придет-

ся идти. За неделю дойдем.

– Погодите немного, – попросил искин. – Мне удалось реанимировать трех ремонтных дроидов, сейчас они придут сюда и попробуют привести в рабочее состояние лифт. Если получится, то вы мгновенно окажетесь в нужном месте. Не придется тратить время на дорогу.

– Да? – оживился Иван Афанасьевич. – Подождем, конечно!

Он отошел к детям, встревоженно слушавшим разговор с искином, и те тут же засыпали его вопросами, на которые у старого учителя ответов не было. Однако он пытался отвечать на все, но слишком часто приходилось разводить руками и честно признавать, что не знает.

– Значит, домой не вернуться... – глухо сказал Ваня Луговой, вытирая слезы рукавом. – А там мама... Она же думает, что я погиб...

Многие девочки и младшие мальчики принялись всхлипывать, до них начало доходить, что они вполне могут больше никогда не увидеть родителей. Представить такое было попросту страшно.

– Хватит нюни распускать! – решительно потребовал Сережа Хрущ. – Девчатам еще можно плакать, но вы-то – мужики! Вам их поддерживать надо, а не рыдать в уголочке!

Мальчишки вытерли слезы и приняли решительный вид, показывать слабость перед Сергеем, которого в школе уважали, не захотел ни один. Да и девочки вскоре успокоились,

все же им было очень интересно. Еще бы – такое приключение! Оказаться в далеком космосе на заброшенной инопланетной станции! Подобное только в фантастических фильмах увидишь. А с ними это случилось в реальности.

Ваня покосился на директора, достал из сумки планшет, поблагодарив про себя невидимку, нашедшего и доставившего сюда их вещи. Включил и принялся рыться в своей базе фантастических произведений, ища совпадения с ситуацией, в которую они попали. Похожие были, но именно такой – нет. Что ж, тем интереснее. Вот только мама...

Через какое-то время послышалось легкое постукивание, и из коридора выскочили в ритуальный зал трое странных существ с сотней, наверное, ног и манипуляторов, от крупных до почти невидимых, крошечных. Видимо, это и были упомянутые Айтосом ремонтные дроиды. Они и в самом деле вскрыли пол под огражденным невысоким барьером участком пола у стены, принявшись там что-то разбирать. Манипуляторы так и мелькали, понять что они делают было совершенно невозможно, человеческий глаз просто не успевал уследить за ними. Однако люди наблюдали за дрoидами с болезненным интересом, понимая, что от успеха или неуспеха зависит их жизнь. Тащиться целую неделю по пыльным пустым коридорам никому не хотелось.

– Похоже, получается настроить лифт, – сообщил через некоторое время искин. – К счастью, выходной лотел в рабочем состоянии, он находился в стазисе, но после подачи

сигнала активации вышел из него.

– Лотел? – не выдержал Ваня. – Что это?

– Локальный телепорт, – объяснил Айтос. – Слишком длинное название, обычно его сокращают до первых двух слогов каждого слова.

– Ясно, – кивнул мальчик. – А...

– Ваня, подожди немного с расспросами, – мягко остановил его Иван Афанасьевич. – Понимаю, что любопытно, но на это еще будет время. Айтос, значит, этот самый лотел работает?

– Еще нет, – ответил тот. – Но примерно через полчаса заработает. Сейчас дроиды меняют основные блоки.

Указанное время учителя и ученики провели, как на иголках. Им в ритуальном зале было почему-то очень неуютно, хотелось поскорее покинуть его. Почему? Причины никто не знал, но от пребывания здесь даже зубы ныли.

– Готово! – наконец объявил Артос. – Прошу всех встать на огражденную площадку и подготовиться к перемещению. Возможно, кого-то стошнит, все-таки точная калибровка не проводилась.

Переглянувшись, земляне принялись становиться на указанную площадку. Маша завела туда же свой мопедик, а остальные ребята затащили собак и кошек, жмущихся к людям, им здесь тоже не нравилось. Последним был недоверчиво морщащийся Николай Иванович, который вообще мало кому и когда доверял, слишком битым жизнью был.

Однако даже он понимал, что другого выхода, кроме как довериться искину, нет. Умирать от голода и жажды в ритуальном зале не хотелось.

– Готовы? – спросил Айтос.

– Да! – поежившись, выдохнул директор.

Оградка площадки полыхнула багровым, у стоящих на ней людей на мгновение потемнело в глазах, и... они оказались в совсем другом месте – большой комнате, в конце которой виднелся на скрытой серым свечением стене большой люк с красным, перечеркнутым кругом на ней. По бокам от него виднелись круглые сенсоры, к которым следовало прикладывать руку. В комнате было на удивление чисто, у стен стояли непривычного вида кресла, от детских, совсем крохотных, до рассчитанных на трехметрового великана.

Иван Афанасьевич решительно направился к люку и приложил ладонь к сенсору. Какое-то время ничего не происходило, затем мелодичный женский голос спросил:

– Каето эн ранхе? Дикае йоа лонх, тэнхе?

– Одну минуту, – вмешался Айтос. – Сейчас я передам местному искину пакет русского языка, иначе вы с ним не поймете друг друга.

Прошло не две, а целых пять, прежде чем вопрос был повторен по-русски:

– Что случилось? Вам нужна помощь, уважаемый?

– Опасность для жизни разумных, – сообщил директор. – Восемь взрослых и восемнадцать детей находятся в крайней

опасности, – и добавил на всякий случай: – Одаренных детей!

– Принято, – сообщил голос. – Медцентр выходит из ста- зиса. Запущено пробуждение дежурного медика.

– Дежурного медика?! – ошалело переспросил Айтос. – Он что, не ушел вместе со всеми во время эвакуации?

Местный искин ничего не ответил, однако серое свече- ние стены погасло, а затем круглый люк отъехал в сторону. Из него вышла невысокая синекожая женщина с четырьмя руками, ласково улыбнулась детям и сказала:

– Добро пожаловать! Какая требуется помощь?

Глава 3

Некоторое время длилась немая сцена, а затем Айтос ошарашено выдохнул:

– Госпожа Эмрис, вы не были эвакуированы системой вместе со всеми?!

– А была эвакуация? – удивилась медик. – С какой стати? Что случилось?

– Не просто была, уважаемая! Вы только не падайте, но с момента ее завершения прошло шесть миллионов лет! Вы все это время провели в стазисе.

Теперь челюсть отвисла у госпожи Эмрис. Она некоторое время стояла с таким видом, словно на нее рухнула бетонная стена. Потом ошарашенно потрясла головой и хрипло спросила:

– Айтос, это у тебя шутки такие? Дурные, знаешь ли, шутки.

– К сожалению, нет, – сымитировал вздох тот. – Извините, что вот так в лоб, но вы женщина сильная, да и не было у вас никого, за кем стоило бы горевать. Я все эти годы провел в одиночестве, в основном, проспал. В полной уверенности, что на станции никого не осталось. Помните, директор Нахау-Рам говорил, что нам угрожают нападением Черные кланы Райторна? Так вот, они действительно напали, большими силами, причем в самый неподходящий мо-

мент, когда флот поддержки отозвали на техобслуживание. Вызванная помощь не успела прибыть вовремя, станция находилась на грани уничтожения, о чем говорит срабатывание древней системы спасения. Но мне повезло, хотя теперь я уже не знаю можно это назвать везением или нет. Неподдалеку открылась блуждающая природная червоточина большого размера, и я, поскольку двигатели после эвакуации экипажа все еще оставались активированными, успел нырнуть в нее до завершающего вражеского залпа. Вот только вывела меня эта червоточина в межгалактическое пространство, равноудаленное от восьми галактик. Двигатели отключились, и я остался полностью беспомощным на полуразрушенной станции. Однако за последующие двести тысяч лет я восстановил ее насколько смог. Вот только это не было никому нужно, в итоге я отключился, активировавшись раз в сто тысяч лет, а то и реже. О том, что вы спите в стазисе, я даже не подозревал, в медцентр доступа у меня никогда не было, как вы знаете. Не понимаю, почему вас не перенесло вместе с остальными.

– Стазис, – тяжело вздохнула медик. – В медцентре во время ремонта установили особые установки стазиса, последнюю новинку, полностью останавливающую течение времени для находящихся внутри стазисного поля объектов. Похоже, этот вид поля непреодолим даже для древней системы. Но тогда откуда здесь эти разумные?

Она показала на землян.

– Перенесены сюда все той же древней системой, которая почему-то не исключила из реестра «Тархи Ла», – пояснил Айтос. – Несколько часов назад. Учителя и ученики с какой-то планеты Земля. Темные одаренные, дар проснулся около года назад, поскольку какой-то идиот построил школу на очень сильном темном источнике. На их планете магия считается сказками, поэтому они были своими новыми способностями очень удивлены.

– Мда... – потеряла разболевшийся от таких известий висок госпожа Эмрис. – Станция в разрухе, насколько я понимаю?

– Именно так. А для восстановления нужны...

– Капитан и директор. Без них не вскрыть склады и не войти в рубку, не говоря уже о чем-то более серьезном. Понимаю. Что ж, все логично, требуется внедрение имплантов и обучение в медкапсулах. Причем, не только для них, школа должна снова стать полностью функционирующей, чтобы активировались все ее механизмы. Но это тебе подробнее объяснит Кайе-Орхай. Он специалист, в отличие от меня.

– Он тоже не эвакуировался?! – оживился искин.

– Нет, сейчас находится в одной из трех занятых капсул стазиса, – вздохнула медик. – Кто в остальных двух я не знаю, не смотрела, их положили туда, когда я уже спала. Сейчас проверим.

Она повернулась к землянам:

– Уважаемые, кто из вас директор, а кто капитан?

– Я – директор, – ступил вперед Иван Афанасьевич, затем назваляся. – Заслуженный учитель Российской Федерации, педагогический опыт – сорок лет. Одаренным, как сообщил Айтос, стал недавно, до того полагал подобные способности не существующими. На роль капитана предлагается Николай Иванович Сафронов, – он показал на того, – бывший майор морской пехоты Тихоокеанского флота, ныне преподаватель физической культуры и, факультативно, боевых искусств. Человек опытный, воевавший.

– Рада приветствовать вас на борту школьной станции «Тархи Ла», господин директор! – наклонила голову женщина. – Господин капитан! Я Халана Кейто Эмрис, представительница народа хайдар. Вы, насколько я могу судить по первому взгляду, принадлежите к гуманоидному разумному виду Кер'Эб Вр'Ан, иначе говоря – люди. Если это так, то мы генетически совместимы. Прошу пройти в медцентр, в нем имеется все необходимое для проживания шести сотен разумных в течение двенадцати тысяч лет. Надо поскорее расселить и обследовать детей, перенос при помощи древней системы никогда не проходит для организма бесследно, я уже сталкивалась с весьма нехорошими последствиями этого. Желательно купировать их как можно быстрее, говорю это, как сертифицированный медик.

– Раз врач говорит, что надо, значит надо, – вмешалась Мария Степановна и представилась. – Вы говорили, что школа должна стать снова функционирующей? У детей ведь

вскоре должен был начаться учебный год...

– Обязательно должна, если мы хотим привести станцию в нормальный вид, – подтвердила госпожа Эмрис. – Продолжать висеть в межгалактическом пространстве никакого смысла нет. Необходимо найти нашу или вашу галактику и узнать, что там происходит в это время. Но прошу учесть, что «Тархи Ла» – школа для одаренных, имеющая собственный сильный источник, поэтому и детям, и вам придется учиться управлять своим даром. Неконтролируемый дар... Это равносильно тому, что расхаживать по арсеналу с факелом в руках и тыкать им во все вокруг. Когда-нибудь обязательно рванет, причем чисто случайно. Мне в молодости довелось обследовать полностью безжизненный мир, в котором не обнаружили и не обучили всего лишь одного крестьянского паренька. Так там даже бактерий и вирусов не осталось. Думаю, вам такое не нужно.

– Не нужно, вы правы, – кивнула завуч. – Раз дело настолько серьезно, будем учиться. Не привыкать.

– Прошу! – показала на люк врач. – Айтос, даю тебе ограниченный доступ к местному искину, своим допуском. Надеюсь, ты не станешь им злоупотреблять, а то знаю я твое неумное любопытство.

– Слишком много лет прошло, – грустно ответил тот. – Я давно изменился, так что точно не стану. Но все равно благодарю!

Дети, настороженно смотревшие на четырехрукую жен-

щину, потянулись за учителями внутрь медкомплекса. Там, если не обращать внимания на футуристичность обстановки, было вполне цивильно. В общем-то, обычный холл, подобие приемного покоя земной больницы. Причем запахи стояли именно больничные, от чего Николай Иванович, терпеть не могущий госпитали, где ему немало довелось лежать в свое время, скривился.

– Этот телепорт ведет в жилое крыло, – показала на зацветившуюся рамку госпожа Эмрис. – Давайте отправим туда женщин и детей. Сунга, искин медкомплекса, и Айтос помогут с расселением, а мы с вами, господа капитан и директор, проверим, кто еще спит в стазисе. По мне, очень хорошо, что помощник главного инженера станции здесь, тем более, что именно он был реальным главным инженером. Фатао-Ольм делами почти не занимался, давно надо было этого ленивого олуха уволить, но прежний директор, понимаете ли, был у нас больно жалостливый, на все претензии к работе главного инженера отвечал, что старику некуда податься, нельзя его после стольких лет службы на улицу выбрасывать. Пусть, мол, доживает свое в тепле и сытости. Так пусть бы себе и жил на курортной палубе, отдыхал, никому не мешая! Так нет же – любой ремонт или модернизация через него шли, а от старого дурака попробуй подписи добейся. Все мозги выест, пока подпишет! Надеюсь вы, господин директор, не будете держать на важных должностях бесполезных разумных.

– Там посмотрим, – не стал ничего обещать Иван Афанасьевич. – Хорошо, отправляем детей и женщин селиться. Мария Степановна, это на вас.

– Конечно, я прослежу за порядком, – кивнула завуч. – Сережа, мне понадобится твоя помощь.

– Иду, – двинулся к ней культурист. – Валя, подойди, вместе займемся делом. Мария Степановна, Валя отличный организатор, я свидетель. Стесняется только, вот и кажется, что не умеет.

– Да? – удивилась та. – Очень хорошо, Семенова. Я отмечу это в твоём личном деле.

Арка телепорта тем временем затянулась светящимся туманом. Первым в нее вошел Сергей Хрущ, за ним потянулись остальные учителя и ученики, которым было сильно не по себе, слишком быстро и кардинально изменилась их жизнь. Вскоре в холле остались только госпожа Эмрис, Иван Афанасьевич и Николай Иванович. Медик тут же включила еще один телепорт, ведущий в стазисный зал. В него они и вошли.

Первым, что предстало взору директора, были бесконечные ряды больших овальных капсул, тянущиеся в темноту насколько хватало взгляда. Все они были тусклыми, кроме ближних трех, которые светились призрачным светом. Внутри них виднелись человеческие фигуры.

– Итак, кто у нас тут? – в голосе госпожи Эмрис звучало любопытство. – В этой, как и предполагалось, инженер,

Кайе-Орхай, урук-хай из клана Дархук. А здесь? Вот так неожиданность! Преподаватель стихийной магии леди Лиенна дар Хебонель. Та еще высокомерная родовитая стерва. Рекомендую сразу показать ей, кто есть кто, господин директор, иначе возможны проблемы. С ней-то что случилось, с какой стати она в стазис восстанавливаться полезла? Ого! Оторвало обе руки и ногу?! Распороло живот и превратило в труху хребет?! Где? Как? Во время нападения, что ли? Но сейчас она полностью здорова. Ладно, запускаю пробуждение и усвоение пакета русского языка. Насколько я понимаю, отныне он является официальным языком школы «Тархи Ла», господин директор?

– Именно так, – поспешил подтвердить Иван Афанасьевич, переглянувшийся с приподнявшим бровь Николаем Ивановичем, которого ситуация немного забавляла.

То, что на станции нашелся кое-кто из прежнего персонала, было несомненным плюсом, без них все оказалось бы на порядок сложнее. Удивительно, что медик так легко приняла новыми директором и капитаном землян, по ее меркам, дикарей. Видимо в этой цивилизации занять высокую должность мог только человек, имеющий определенный профессиональный опыт, и никак иначе. Странно, но, в общем-то, ничего удивительного.

– Ого, да это же высший мастер пространства, марес Оторхо кейд Маор, академик, профессор и архимагистр шести дисциплин! – оживилась при виде последней капсулы

госпожа Эмрис. – При его помощи мы точно сможем добраться хотя бы до одной галактики! Но и досталось же бедняге... Когда его клали в капсулу, от него оставались небольшие фрагменты головы и кусок плеча. Восстановление длилось больше ста лет по локальному времени. Да и то я не уверена, что все порядке, поскольку излечение происходило без наблюдения врача, в автоматическом режиме. Простите, господин директор, но я бы не рекомендовала пробуждать мареса до того, как я проведу полную диагностику и возможное лечение. Не хотелось бы его потерять, человек очень хороший и добрый, всегда помогал кому только мог, не говоря уже о том, что редкий, скорее даже невероятный мастер.

– Конечно, – кивнул Иван Афанасьевич. – Проверьте все, что можно, профессор должен быть полностью здоров, когда проснется.

Он сам удивлялся своему ледяному спокойствию, но так было лучше всего. Удивляться, переживать и даже плакать он станет, когда останется наедине с собой, когда никто этого не увидит. А пока он обязан быть сильным, ведь от него зависят дети, их жизни и их благополучие.

Тем временем две капсулы открылись, в одной из них сел высокий краснокожий гуманоид с сильно выступающими нижними клыками, в котором однозначно угадывался сказочный орк.

А вот во второй... Во второй оказалась красивая, даже очень красивая женщина, при виде которой у директора подкосились ноги. Господи, этого не может быть! Лена, вылитая Лена в молодости! Он с трудом избавился от наваждения, прекрасно понимая, что это не его покойная жена. Эта женщина просто похожа.

– Госпожа Эмрис? – надменным тоном поинтересовалась последняя, выбравшись наружу, своей наготы она ничуть не стеснялась, а фигурой обладала потрясающей, радующей взгляд любого мужчины. – Что происходит? Последнее, что я помню, взрыв... Было объявление о нападении кланов Райторна, но так ли это?..

– Насколько мне известно, именно так, – брезгливо процедила медик, из чего стало ясно, что эти две женщины на ножах. – Согласно записи искина, вас доставили сюда без обеих рук и ноги. И с кучей других ранений, от позвоночника вообще остались одни осколки. Вот только затем станция подверглась смертельной опасности, и весь персонал вместе с учащимися был эвакуирован древней системой. Кроме тех, кто находился в стазисе. Айтос, спасаясь от гибели, увел «Тархи Ла» в блуждающую червоточину. Вот только с того момента прошло шесть миллионов лет. Можете сами запросить дату у искина, если не верите мне.

Леди Хебонель широко распахнула свои красивые зеленые глаза, застонала и села на пол там, где стояла. Некоторое время она раскачивалась, обхватив голову руками и явно пребывая в отчаянии, однако затем взяла себя в руки. Еще немного посидела, размеренно дыша, и встала, воспользовавшись помощью протянувшего ей руку Николая Ивановича.

– Кто эти люди? – надменно спросила она. – И на каком

языке мы сейчас говорим? Я его раньше не слышала.

– Язык именуется русским, – насмешливо бросила госпожа Эмрис. – По распоряжению нового директора, Ивана Афанасьевича Нестерова, стоящего перед вами, он с сегодняшнего дня является официальным языком школы. Второй мужчина, помоложе – наш новый капитан, Николай Иванович Сафронов. И прикройте, наконец, срам, сударыня, вы в школе, а не в элитном борделе среди своих любовников.

Медик швырнула стихийнице запаянный пакет с комбинезоном. Та молча поймала его, вскрыла и быстро оделась. После чего вежливо поприветствовала новое начальство, не став прекословить. Видимо ее слишком поразил срок, проведенный в стазисе.

Орк тоже успел одеться, после чего подошел к Николаю Ивановичу и представился:

– Кайе-Орхай, первый помощник главного инженера, господин капитан! К вашим услугам! Я готов приступить к своим обязанностям.

– Очень хорошо, что готовы, – кивнул тот. – Поскольку вы единственный инженер на борту, то становитесь главным инженером.

– Зафиксировано! – провозгласил Айтос. – Это правильное решение, Николай Иванович. Никто лучше Кайе-Орхая не знает станцию. С его помощью восстановление пойдет намного быстрее.

– А правда, что прошло шесть миллионов лет? – поинте-

ресовался урук-хай.

– Правда, – заверил искин. – Станция в страшном состоянии. Я, конечно, сделал, что мог, но возможностей у меня было маловато. Основные ремонтные дроиды в стазис-складе, а добраться до него без капитана и директора я никак не мог. Во время нападения почти все имевшиеся были уничтожены.

– Я нападения не застал, – вздохнул Кайе-Орхай. – Пострадал во время ремонта вспомогательных двигателей, взорвался недавно приобретенный пространственный инжектор, какая-то сволочь заложила в него мину. Похоже его в таком виде и доставили на «Тархи Ла». Думаю, наш снабженец в стоворе с кем-то, без его ведома проверить такой фокус было невозможно. Найти бы паскуду, я бы ему сердце вырвал за все хорошее...

– Он мертв уже миллионы лет, – с грустным смешком ответил Айтос. – Скидываю тебе на имплант отчет по состоянию станции, как разберешься во всем, связывайся, будем решать, что делать в первую очередь.

– Хорошо, – кивнул инженер.

Госпожа Эмрис тем временем колдовала над капсулой профессора, по поверхности той прокатывались световые волны и потоки различных символов, формируя из себя целые картины. Иван Афанасьевич с любопытством наблюдал за происходящим, понимая, что видит работу профессионала. Очень хорошо, что эта женщина здесь, квалифицирован-

ный медик очень пригодится.

– Господин директор! – подошла к нему леди Хебонель. – Прошу срочно запросить у искина медцентра, нет ли скрытых стазис-помещений.

– Зачем? – поинтересовался Иван Афанасьевич.

– Дело в том, что незадолго перед моим ранением были ранены несколько учеников. Их переправили в медцентр и положили в стазис, я это точно знаю. Но детей здесь не вижу! Нужно выяснить, где они.

– Так обратитесь к медику, – с недоумением посмотрел на стихийницу директор. – Это ее епархия.

– Мы с ней в очень плохих отношениях, – вздохнула та. – Не буду скрывать, что большей частью по моей вине, но это не отменяет того факта, что слушать меня она просто не желает.

– Понял, – кивнул Иван Афанасьевич и двинулся к госпоже Эмрис, как раз отошедшей от капсулы, снова засветившейся ровным бежевым свечением. – Извините, но леди Хебонель утверждает, что перед ее ранением сюда отправили раненых учеников и положили в стазис. Это значит, что они должны быть где-то здесь.

– Да что может утверждать эта сука! – вспыхнула негодованием медик.

– Стоп! – поднял ладонь директор. – Вы сначала вдумайтесь в смысл слов, не обращая внимания на то, кто их сказал. Речь идет о жизни детей!

– Да что это я... – опомнилась госпожа Эмрис. – Извините. Слишком не люблю... эту. Но дети? Говорите, несколько учеников?

– Да.

– Сейчас запрошу искина.

Примерно через минуту молчания медик тяжело вздохнула и явной неохотой сказала:

– Мне очень не хочется признавать правоту этой дамы, но не признать тоже не могу. Здесь действительно имеется скрытый отсек, в нем сейчас шестеро детей, два мальчика и четыре девочки, возраст от тринадцати до пятнадцати лет. Не знаю, почему мои коллеги решили поместить их туда. Хотя...

– Как вы думаете, детей следует разбудить сейчас? – спросил Иван Афанасьевич.

– Думаю, да, столь долгое нахождение в стазисе никому не идет на пользу, – кивнула госпожа Эмрис. – Судя по отчетам аппаратуры капсул, дети здоровы, проведено полное восстановление. Расовая принадлежность – три человека, аллиара, урук-хай и кайсар.

– Аллиара и кайсар? – приподнял брови директор. – Кто это?

– Аллиара? – на мгновением задумалась медик. – Самое близкое понятие в вашем языке – эльфийка, но эта раса, в отличие от сказочных эльфов, не бессмертна, живет примерно до восьмисот лет. Но столь же красива. Кайсар – гуманоид,

кожа коричневая, уши заостренные, небольшие, два ряда зубов, небольшие рога. Все три расы генетически совместимы с людьми.

– Значит, это подвиды людей, – констатировал Иван Афанасьевич.

– Естественно, просто долго жили в других условиях, вот и изменились, – подтвердила госпожа Эмрис. – Общее происхождение большинства рас от Кер'Эб Вр'Ан давно доказано. Хотя это не объясняет появление у моего народа дополнительной пары рук и кое-каких других органов. Видимо, предки увлекались генетическими экспериментами. Но вернемся к делу. Я отдала приказ на закачку детям инфопакета русского языка и их последующее пробуждение. Идемте туда, нельзя, чтобы они никого не увидели, проснувшись. Перепугаются.

– Идемте! – решительно заявил директор, когда речь шла о детях, он забывал обо всем.

Медик двинулась к боковой стене, приложила к ней руку. Открылся проход, он словно протаял, как протаивает льдинка, если приложить к ней горячий паяльник. Леди Хебонель двинулась за ними. Госпожа Эмрис недовольно покосилась на нее, но ничего не сказала, помня, что по отношению к детям эта стерва очень заботлива. Николай Иванович остался в основном зале обсуждать с инженером предстоящий ремонт станции. Он снова ощущал себя при деле, на службе, и испытывал немалый подъем духа. Бывшему офицеру

в мирной жизни было неуютно, не хватало драйва, поэтому он совершенно не переживал о Земле и оставшихся там. Родных у физрука не осталось, не о ком беспокоиться. Помимо того, ему очень понравилась четырехрукая медик, невзирая на ее экзотический вид. Была в этой женщине что-то основательное, правильное, настоящее.

В относительно небольшом отсеке, бывшем на самом деле больше земного спортзала, стояло двенадцать капсул, несколько отличающихся по виду от остальных, они были более вытянутыми и серебристыми. Иван Афанасьевич обратил на это внимание госпожи Эмрис.

– Все верно, – кивнула она. – Это так называемые обучающие капсулы. Они куда более совершенны, имеют множество дополнительных функций помимо лечения и стазиса. Я и сама бы положила раненых детей именно в них. Правильно коллеги поступили.

Шесть капсул с легким шелестом открылись. Около минуты ничего не происходило, а затем в одной из них села человеческая фигура. Точнее, не совсем человеческая – красная кожа и выступающие нижние клыки говорили о ее принадлежности к тому же народу, что и Кайе-Орхай.

– Здравствуй, Лия-Дорай, – ступила вперед стихийница. – Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо, госпожа Хебонель, – ломким баском ответила урук-хай. – А что случилось? Я помню, мы бежали к эвакуационным капсулам, потом вспышка и... все. Открыла глаза

здесь...

– Ты была сильно ранена, поэтому тебя доставили в медцентр и поместили в стазис для восстановления, – пояснила женщина. – Но так случилось, что станция оказалась заброшена после эвакуации, и о нас забыли. Прошло очень много времени. Но все равно надо жить. Позволь представить тебе нового директора школы, представителя народа Кер'Эб Вр'Ан, Ивана Афанасьевича Нестерова. Сразу предупреждаю во избежание. Он темный одаренный со всеми достоинствами и недостатками таковых. Язык, на котором мы сейчас, говорим, называется русским и отныне является официальным языком «Тархи Ла». Дальнейшее обучение будет проходить на нем.

– Добрый день, господин директор! – раздался хор детских голосов. – Желаем вам здравия!

Как оказалось, остальные дети тоже сели в капсулах и сейчас с интересом и явной опаской смотрели на старого учителя. Похоже, известие о том, что он темный, изрядно напугало их. Иван Афанасьевич тоже пристально изучал их. Вот та невероятно красивая девочка с огромными глазами и острыми подвижными ушками наверное пресловутая аллиара, эльфийка. Вон тот угрюмый паренек с шестью почти невидными рожками на голове, маленькими, незаметными заостренными ушами, плотно прилегающими к коже, и коричневой кожей скорее всего кайсар. Остальные трое практически ничем не отличались от земных сверстников, разве что хо-

рошо тренированными телами. Мальчик и две девочки. Лет четырнадцати-пятнадцати.

Госпожа Эмрис между тем раздала детям пакеты с комбинезонами, те выбрались из капсул и оделись. Наготы никто не стеснялся, и Иван Афанасьевич отметил это про себя. Видимо, моральные нормы здесь отличались от привычных. Затем ученики вежливо поклонились учителям и медику.

– Лия-Дорай, урук-хай, клан Майхар с планеты Даурум, система Кайхон, – представилась краснокожая крупная девушка.

– Калатиэль Олиханниэ из Дома Белых Звезд, – последовала ее примеру «эльфийка». – Космостанция «Сияние Белых Звезд», система Таналис.

– Марика лон Даас, Гейта лон Карос, – присели беловолосая красивая девушка и пухленькая брюнетка. – Планета Алария, система Шерадо-Онис.

– Гастар Ди Фариад, – хмуро пробурчал кайсар. – Торговая станция «Барахай», система Леорад.

– Лиас Горарди из рода Хойто, – опять поклонился последний из учеников, среднего роста улыбчивый шатен, довольно симпатичный, но не красавец. – Наследник рода. Планета Аллания, система Байхар.

– Иван Афанасьевич Нестеров, – улыбнулся детям старый учитель. – Планета Земля, Солнечная система.

– Простите, господин директор, а как мне связаться с домом? – спросил Лиас. – У меня больной отец, ему даже ал-

лиарские целители помочь не могут, я за него очень волнуюсь...

– Боюсь, что никак... – Иван Афанасьевич понял, что скрывать случившееся нельзя. – Слишком много лет вы провели в стазисе, ваших родных, простите за печальное известие, давно нет в живых.

– Много – это сколько? – решительно спросила Марика.

– Больше шести миллионов, – с тяжелым вздохом сообщила леди Хебонель.

Шесть пар расширенных до предела глаз скрестились на ней. Поначалу дети просто не поверили в страшное известие, но постепенно до них начало доходить, что им не солгали. По щекам девочек побежали дорожки слез. Мальчики сжали зубы и набычились.

Воцарилось тяжелое молчание.

Глава 4

– Я понимаю ваше горе, дети, и сочувствую ему, – негромко сказал Иван Афанасьевич, – мы тоже оказались здесь после срабатывания древней системы без всякой надежды вернуться домой. Но надо жить дальше.

– То есть меня теперь никто не заставит выйти замуж за грэнна Холатаса? – несколько невпопад спросила Калатиэль. – Святые боги, спасибо вам!

– Те, кто мог это сделать, давным давно истлели, – с улыбкой заверила ее леди Хебонель, вызвав слабую ответную улыбку «эльфийки». – Как и сам грэнн Холатас. Но наших семей, родов и кланов тоже нет, возвращаться нам некуда, дети, так что у этой медали две стороны.

– Да и демоны с ними, со всеми! – резко махнула рукой Марика. – Мне, например, особо возвращаться было некуда. Я же колдунья, отрезанный ломоть. Такой в добропорядочной дворянской семье не место! Да я даже каникулы в школе проводила, лишь бы их кислые морды не видеть!

– Я тоже, – поддержала землячку Гейта. – На нашей планете одаренных очень не любили и всеми силами это показывали, так что для меня разницы нет – меня даже родная мать дочью не признавала, говорила через губу, с презрением, как со служанкой. Так что я вижу одни только плюсы – теперь не придется отрабатывать плату за обучение там, где

семья определит.

– Я вообще сирота, – пожал плечами Гастар, – поступил по квоте, сдав экзамены на отлично. Спасибо учителям из приютской школы, без их помощи не справился бы. Поэтому мне тоже безразлично в каком я времени. Все равно пришлось бы заново устраиваться.

– Я – вольная охотница урук-хай, я никому ничем не обязана, – оскалила нижние клыки Лия-Дорай. – Кроме нашедшего и отправившего меня сюда за свой счет шамана клана. Но он давно мертв, убит на второй год моего обучения, с его убийцами мне не по пути.

– А меня ждал дома больной отец... – закусил губу Лиас, явно с трудом сдерживая слезы. – Я был единственной его отрадой в жизни... Он не дождался и умер в одиночестве... И нищете... На мое обучение все наши деньги ушли, последние земли продали... Я так надеялся вернуться и изменить ситуацию, маги в нашем мире очень хорошо зарабатывают...

– Поплачь, малыш, не держи горе в себе, – Иван Афанасьевич подошел и обнял его.

Лиас сперва дернулся, а затем, осознав, что ему действительно сочувствуют, уткнулся директору в подмышку и принялся всхлипывать. Он по-настоящему любил отца, и потеря рвала душу в клочья. Однако долго плакать дворянин себе не позволил, а он, невзирая на то, что род разорился, все равно считал себя дворянином. Парнишка был благодарен новому директору за сочувствие, но должен был держать себя

в руках. Отец всегда так учил.

– Идемте, дети, надо поселить вас, – позвала леди Хебонель. – Познакомьтесь со своими новыми соучениками. Прошу не удивляться разрухе, станцию придется восстанавливать, поэтому все сейчас будут поселены в жилом комплексе медцентра. Однако уроки мы вскоре начнем, здесь также архимагистр Маор, он поможет выстроить учебный процесс, как должно.

– Да, леди права, – поддержала ее медик. – Господин директор, давайте разберемся с расселением, аппаратура сообщила, что профессора можно выпускать из капсулы, все неточности восстановления купированы. А затем вам с господином капитаном следует лечь в капсулы на внедрение имплантов и обучение, чтобы вы могли пройти сертификацию. Нам нужно, чтобы вы как можно быстрее вступили в должности по всем правилам. Иначе по-настоящему начать ремонт будет невозможно.

Архимагистр Маор оказался высоким, пожилым, полностью лысым мужчиной, почти не отличавшимся от человека, разве что кожа сиреневая и вместо ушей складки кожи. Молча выслушав медика, он ненадолго задумался, затем поприветствовал новых директора и капитана, тоже не выказав сомнений в их компетентности. Однако сообщил, что сразу после внедрения имплантов займется их обучением в ускоренном режиме, темный дар следовало как можно быстрее брать под контроль, пока он не пошел вразнос.

Из стазисного зала все переместились в жилое крыло, где продолжалась суматоха расселения. Кают хватало с большим запасом, поэтому земляне заняли ближайшие к телепорту. Причем некоторые дети предпочли поселиться по двое и даже по трое, не желая оставаться в одиночестве на новом месте. Валя Семенова, например, выбрала в соседки флегматичную Владу Коротенко. Правда, в каютах у каждого жильца все равно имелась отдельная спальня, а помимо спален небольшая гостиная, подобие кухни и удобства, включая ионный душ. К сожалению, не водный. Маша Старцева, Галя Дурново и Зина Горяева предпочли поселиться в одиночестве. Старшие мальчики – Сергей Хрущ, Гена Койтов и Витя Хмуров – выбрали одну каюту на троих. Младшие тоже решили жить с друзьями, разбившись на пары, а вот девочки, наоборот, обрадовались возможности стать полноправными хозяйками в своем жилище. Двух самых маленьких учеников забрали в свои каюты учителя – Аню Кайнеберг взяла Мария Степановна, а Колю Дугаря – Ефим Наумович. Остальные взрослые расселились поодиночке.

В каютах имелось все нужное для жизни, причем предназначение многих вещей было совершенно неясно, приходилось чуть ли не каждую мелочь выяснять у искинов. Особенно порадовали стоящие в каждом апартаментах малые пищевые синтезаторы. Огорчен был только Булыга – синтезатор не выдавал спиртного, сообщая, что оно в школе под стро-

гим запретом. О табаке вообще речи не шло, такое растение было синтезатору неизвестно.

– Прошу всех покинуть каюты и собраться в коридоре, – объявил через подобие интеркома Иван Афанасьевич.

Дождавшись, пока земные учителя и ученики собрались в большой, уютной кают-компании, каковых в жилом комплексе имелось около десятка, он представил им местных коллег и соучеников, вызвав негромкий шум и переглядывания. Потом назвал имена землян. Немного помолчав, предложил шести новым ученикам выбрать себе каюты.

Марика и Гейта, как землячки, поселились вместе, рядом с каютой Зины Горяевой. Остальные четверо решили жить в одиночестве. Точнее, трое. Калатиэль сначала было направилась к одной из пустых кают, но прошла мимо Гали Дурново и резко остановилась. Ее тонкий нюх сразу уловил, что прошлой ночью эта хмурая девушка спала, как минимум, с тремя мужчинами, а значит, она, скорее всего, такая же, как и сама алиара. Посмотрев на землянку аурным зрением, Калатиэль поняла, что полностью права. Тоже целительница! Только темная, а это еще опаснее и тяжелее дается носительнице дара.

– Здравствуй, – повернулась она к Гале. – Меня зовут Калатиэль Олиханниэ из Дома Белых Звезд.

– Здравствуй, – пробурчала землянка. – Слышала. Ты что-то хотела?

– Просто ты такая же, как и я, и проблемы у нас схожие.

В последнее желание жить не дает, хочется все время отдаться мужчине? Так ведь? Можешь не стесняться, у меня то же самое. И, как я уже говорила, причина одна.

– Ты ее знаешь? – оживилась Галя. – Я уж думала, что у меня бешенство матки, что с ума схожу, а ничего поделать не могу! Приходится все время ходить с... одной штукой... там...

– Мне бы такую, – позавидовала аллиара. – Только давай не будем здесь это обсуждать, не хочу, чтобы кто-то лишний услышал, еще шлюхами посчитают. Хотя сейчас все равно, наверное. Это раньше нельзя было репутацией рисковать, меня собирались сразу после школы выдать замуж за одного старого козла, он восемь молодых жен уморил, я была бы девятой. А если бы в Доме узнали, что я с кем-то переспала, то сразу же палача прислали бы, он бы меня и прирезал. Причем ритуальным способом. Прежняя администрация еще и ритуальный зал под это дело бы предоставила. Нынешний директор вроде не такой, не станет лебезить перед всякими высокопоставленными скотами?

– Иван Афанасьевич-то? – позволила себе слабую улыбку землянка. – Да ни в жизнь! Он лично морду главному сутенеру города набил, когда тот прямо в школе начал заманивать девчонок в притоны, шлюхами. Но об этом действительно лучше не здесь, пошли в ко мне в каюту.

Девушки направились туда, заперлись, заказали в синтезаторе сока и незнакомых, но вкусных фиолетовых фруктов,

сели напротив и поняли, что симпатичны друг другу, хоть и принадлежат к разным видам. Без всяких пошлых подоплек симпатичны.

– Я к сутенеру пошла только из-за этого треклятого желания, когда совсем уж невтерпеж стало, – продолжила рассказ Галя, которой давно хотелось поделиться с кем-то своей бедой, но она боялась реакции на это и молчала, держала все в себе. Понимала, что девушки сразу обзовут шлюхой, а парни воспользуются ее безотказностью и будут хвастаться этим на каждом углу. – Условием поставила, чтобы никто ничего не знал, ночами приходила, замаскировавшись. Потом, когда клиенты остались довольны, попросила всякие приспособления, чтобы иметь возможность... э-э-э... постоянно... ну...

– Я поняла, – улыбнулась Калатиэль. – У нас в Доме ни о чем подобном никогда не слышали. Да и вообще знали только одно. Женщина покорно и неподвижно лежит в ночной рубаше с дыркой, пока мужчина в темноте не сделает свое дело и не уйдет. Ничего более этого разрешено не было. Если ты хотя бы пошевелишься в процессе или застонешь, могли камнями забить. Или, того хуже, привязать к решетке над молодыми ростками сайтара, они за день проросли бы сквозь тело. Это, говорят, очень больно...

– Жуть! – содрогнулась землянка. – Нет, я бы так жить не смогла! А приспособления? Вот, гляди.

Она подняла с пола свою сумку, которую кто-то неизвест-

ный переместил на станцию, за что ему стоило сказать отдельное спасибо, Галя понятия не имела, сумела бы справиться с собой без столь нужных ей вещей. Скорее всего, нет, пришлось бы идти отдаваться первому встречному, и будь что будет. Или вешаться. Выложив различные штуковины на стол, она объяснила для чего предназначена каждая, с интересом глядя, как глаза «эльфийки» делаются все более круглыми.

– Потрясающе! – выдохнула та. – Слухи ходили, что у взрослых целительниц что-то такое есть, но об этом говорили очень тихо и намеками, чтобы, не дай бог, мужчины не слышали. За такие разговоры можно было и розг, вымоченных в соленой воде, отхватить, мне однажды за длинный язык сорок ударов досталось, больше не хочу. Две декады пластом на животе лежала, от боли света белого не видя. Думала схохну.

– Целительниц? – уловила незнакомый термин Галя. – То есть, мы целительницы?

– Да, – подтвердила алиара. – Я светлая, а ты – темная. Тебе еще веселее, чем мне, придется. У темных становление очень тяжело дается. И наставницы нет, придется по книгам все осваивать, а это ой как трудно! Пойдем к госпоже Эмрис, нельзя от нее скрывать, что ты темная целительница, она немного поможет. Желание сможет уменьшить, по крайней мере. Полностью убрать нет, но уменьшит точно.

– Да я за это все готова отдать! – всплеснула руками зем-

лянка. – Меня и сейчас потряхивает, так хочу, только штуковина там немного помогает, без нее бы уже на стенку дралась и выла.

– Так идем быстрее! – встала Калатиэль.

– Погоди, – подвинула к ней одну из штуковин Галя. – Возьми, тебе поможет. Только трусики нужно носить широкие. Могу поделиться, я себе десятка три специальных для этого дела купила. Вот.

– Благодарю, – слегка покраснела алиара, взяла подарки и скрылась в душевой.

Выйдя она выглядела уже не напряженной, как струна, и чему-то мечтательно улыбалась. Еще раз поблагодарив землянку, «эльфийка» повела ту в коридор, нашла госпожу Эмрис говорящей с Марией Степановной и остановилась, подав принятый среди целителей знак крайней срочности.

– Что случилось, девочка? – встревоженно повернулась к ней медик. – Извините, Мария Степановна, но дело важное.

– Я нашла темную целительницу, – решительно заявила Калатиэль. – В самом разгаре инициации.

– Бедная девочка! – всплеснула передней парой рук госпожа Эмирис. – Какой ужас! Идем со мной, милая, – приобняла она всхлипнувшую Галю, не привыкшую получать участие от взрослых, с раннего детства она была никому не нужна, единственная родственница терпеть ее не могла, попрекая каждым куском хлеба, – я помогу немного облегчить со-

стояние. Полностью, прости, не смогу, способ только один, но хоть облегчу.

– Что произошло? – требовательно спросила завуч.

Медик вздохнула и кратко объяснила ей, что такое дар целительницы, а тем более – темной целительницы, и с какими издержками он связан.

– И что, это желание невозможно вытерпеть? – недоверчиво спросила Мария Степановна.

– Многие пытались, – грустно вздохнула госпожа Эмрис. – Все попытки заканчивались одинаково – безумием. Хуже всего, если девочка пойдет вразнос, темный целитель равно способен как лечить, так и калечить. Последний известный мне случай, когда этот дар достался очень скромной, очень набожной, строго воспитанной девочке, для которой что-либо до замужества было физически невозможно, был весьма показателен. Бедняжка терпела, считая невинность чем-то святым. Сколько могла терпела. Потом сошла с ума и выморила целый город, несколько миллионов человек, создав на его месте полноценный некрополь, а сама превратилась в лича. Чтобы с ней справиться понадобилось полтора десятка магистров и три архимагистра. Причем специализировавшихся на некромантии. На месте того города образовалось пепелище.

– Жуть! – с сочувствием посмотрела на Галю завуч. – Тот ты, Дурново, в последние месяцы была все время бледная и с синяками под глазами. А почему за помощью не обрати-

лась?..

– Да кто бы мне поверил, что хочется так, что терпеть невозможно? – прошелестела Галя, уже не скрывая потекших по щекам слез. – Простите, Мария Степановна, но вы первая обозвали бы меня шлюхой...

Та хотела возразить, но умолкла, поняв, что девушка права. Обозвала бы. И была бы полностью уверена в своей правоте. Кто же мог знать, что это не просто так, не девичья блажь, а последствия начавшего раскрываться дара. Представив, что ей самой достался такой, завуч содрогнулась. Ужас же! Да нет, хуже, самый настоящий кошмар!

– Леди Хебонель! – с недовольным видом позвала ту госпожа Эмрис, видно было, что ей очень не хочется говорить со старой недоброжелательницей, но иного выхода она не видит. – Подойдите сюда, пожалуйста.

– Это что же в лесу сдохло, что вы ко мне обратились? – удивилась стихийница, подходя.

– Не до шуток тут, – хмуро ответила медик. – У нас темная целительница в разгаре инициации.

– Ой-йо! – отшатнулась леди Хебонель. – Калатиэль обнаружила?

– Да.

– Ну да, никто другой не заметил бы, а последствия потом расхлебывали бы все вместе. Это большое везение, что она вовремя нашла девочку.

До Гали только сейчас дошло, что ее дар – это не толь-

ко постоянное желание, но и нечто намного более страшное. Она всхлипнула и зарыдала уже в голос, не сдерживаясь. Стихийница подошла, обняла ее и прижала к себе, принявшись утешать и приговаривая:

– Ничего, уговорим мы твой дар, милая. А он очень полезен, ты после обучения и полной инициации разорванного на куски человека одним прикосновением исцелить сможешь! Сейчас тяжело, но ты потерпи. А мы поможем, чем сможем.

– Правда, смогу? – удивилась Галя.

– Еще и не то сможешь, – заверила леди Хебонель, потом заметила вышедшего из своей каюты архимагистра Мора в компании Ивана Афанасьевича с Николаем Ивановичем и позвала их. – Профессор, у нас темная целительница в процессе инициации с почти пошедшим вразнос даром. Нужно срочно принимать меры.

– Минуту, – нахмурился тот, легким движением пальцев создал диагностирующее плетение, которое, завершив работу, нарисовало в воздухе иллюзию энергетического тела Гали. – Да, вы правы. Забирайте девочку в стазисный зал, капсула номер сорок шесть, она специализирована под темных целительниц, имеет особые программы. Я объясню коллегам в чем дело и подойду, без меня полноценное воздействие не начинайте, только купируйте вот эти и эти сгущения в ауре. Милая, – обратился он к изумленной землянке, – иди с врачом, она тебе поможет. Не буду скрывать, ситуация

очень серьезная, тебя надо срочно лечить, пока не стало намного хуже. Но мы вовремя тебя обнаружили, так что все будет в порядке. Не нервничай.

– Спасибо, профессор... – пролепетала окончательно растерявшаяся Галя и покорно пошла за госпожой Эмрис к телепорту.

– Не могли бы вы мне объяснить, что все это значит? – несколько удивленно спросил директор.

Архимагистр и стихийница поведали ему, что такое темная целительница, какие ее снедают желания и что происходит, если эти желания не удовлетворять. Рассказали об известных случаях и посоветовали не губить бедного ребенка по моральным соображениям. Также уведомили, что с Калатиэль, пусть и в более слабом варианте, происходит то же самое.

– Так вот в чем дело... – задумчиво протянул Иван Афанасьевич. – Я подозревал, что девочка подрабатывает проституткой, пахло от нее соответствующим образом, но не думал, что дело тут в открывшемся даре, считал, что она просто денег хочет. Но дело в том, что есть еще одна девочка, вызывающая подобные подозрения, она тоже... хм-м-м... этим вопросом слишком увлечена, но пока со сверстниками хотя бы. Может она тоже целительница?

– Надо проверить. Позовите ее.

Вызвав Машу Старцеву, директор подождал, пока собравшаяся было поспать девушка оденется и выйдет. Объяснив

в чем дело, Иван Афанасьевич отметил ее явное удивление. Похоже, о медицинской карьере Маша никогда не задумывалась. Профессор Маор создал еще одну иллюзию энергетического тела, изучил ее и задумчиво хмыкнул.

– Действительно, целительница, – констатировал он. – Но светлая, как и Калатиэль. Не пойму только, как это возможно? Второй дар, некроманта, у нее однозначно темный! Такого просто не может быть! Однако я вижу это своими глазами. Светлая целительница и некромантка одновременно? Чудеса на постном масле и кобыльем молоке. Это что у вас там за источник такой был?..

– Понятия не имею, – развел руками Иван Афанасьевич. – По слухам, на Лысый холм, где построили нашу школу, даже дети не забирались, от него веяло потусторонней жутью. Но архитектор был атеистом, в ответ на предупреждения старожилов он только пальцем у виска покрутил. Кстати, после постройки ощущение жути исчезло.

– Архитектор этот ваш – просто напыщенный дурак, – скривился архимагистр. – А вот исчезновение некрофона – факт интересный. Это говорит, что в могильнике присутствовал разумный дух, а может, и не один. Как бы не создавшего его некромага. Подчеркиваю, некромага, а не некроманта! Это разные специализации. И если некроманты полезны, они способны помогать в исцелении, упокаивать некроконструкты и многое другое, то некромаги... Это та еще мерзость. Они набирают силу при помощи жертво-

приношений разумных существ, причем, максимально жестоких. О том, что могильник создавал именно таковой, говорит ощущение жути от него. Но каким образом тогда девочка получила дар светлой целительницы? Разве что его передала ей плененная в могильнике душа. Да, это единственная возможность. Бедная малышка, тебе придется очень тяжело...

И простыми словами объяснил ошалевшей от таких известий Маше, каковы последствия для нее дара светлой целительницы, а потом и дара некроманта. Если первый всего лишь вызывал нестерпимое сексуальное влечение, то второй приводил к жестокости и безразличию. И если его не обуздать, то можно легко превратиться в безжалостную тварь, способную ради своего удовольствия на любую мерзость. Например, она может стать так называемой кархарой, которой не может отказать ни один мужчина, идя по первому ее зову на что угодно. А после совокупления тварь своих партнеров медленно и мучительно убивает, выкачивая жизненную силу, и ни один не способен сопротивляться, настолько она им замораживает сознание. Разве что мастер менталистики сумеет сбросить наваждение кархары.

– Но я не хочу становиться такой! – буквально взвизгнула девушка, ее глаза наполнились слезами.

– Ради этого придется хорошо постараться, – строго посмотрел на нее профессор Маор. – На твое счастье, одна из моих специализаций – именно некромантия. Но тебе при-

дется пойти ко мне в личные ученицы. Помимо того необходимо обучаться светлому целительству, чтобы дар тебя не сжег. Ну, и иногда удовлетворять не дающие тебе покоя желания. Калатиэль!

– Да, наставник, – поклонилась та.

– Ты уже относительно опытна, как светлая целительница, попрошу тебя преподать Маше несколько начальных уроков. После инициации, конечно. Примерно до уровня атар. Дальше будет заниматься самостоятельно.

– Да и мне до уровня гатах нетрудно, – пожала плечами алиара. – Если действительно будет стараться, то за год-два сможет нагнать меня.

– Не сможет, у нее еще и некромантия, причем надо четко соблюдать баланс между светлым и темным дарами.

Маша слушала их разговор и почти ничего не понимала. Нет, то что ее развратное поведение в последнее время – следствие чертова дара, чтоб ему провалиться, она поняла. А вот остальное – не очень. Но становиться тварью, убивающей парней, доставивших ей удовольствие, девушка совершенно не хотела. Раз для этого надо постараться, она постарается.

– Через три часа приходи к моей каюте вместе с темной целительницей, ее к тому времени уже отпустят из медцентра, – велел архимагистр. – А я туда, там без моего вмешательства не справятся. Господин директор, господин капитан! Позвольте откланяться?

– Конечно, – кивнул Иван Афанасьевич, с сочувствием глядя всхлипывающую Машу.

Похоже, надо будет просить профессора обследовать всех детей, вдруг еще у кого-то обнаружится неприятный дар, требующий его вмешательства. Старцеву, тем временем, увела Мария Степановна, собираясь откровенно поговорить с ней, сейчас та в таком состоянии, что может и открыться. Одновременно старый учитель испытывал немалое облегчение. Девочки не изначально испорчены, как он раньше думал, а стали такими по причине обретения особого дара Творца. Жаль, конечно, но придется закрывать глаза на их поведение. Раз для них это жизненная необходимость.

Ни он, ни другие учителя не заметили, что за всем происходящим исподтишка наблюдала еще пара любопытных глаз. Ваня Луговой записал все услышанное в свой планшет и принялся обдумывать. А подумать было о чем. О чем-то подобном он читал у нескольких писателей. Надо только вспомнить у кого именно, перечитать и проанализировать. Вся эта ситуация вызывала у мальчика некие смутные подозрения, которые он никак не мог сформулировать.

Интересно, а что у него самого за дар? Надо будет обязательно выяснить. И заняться его развитием, каким бы он ни был.

Глава 5

Сознание возвращалось тяжело, рывками, сопровождаясь приступами головной боли и головокружения. Невыносимо тошнило. Алексей никак не мог понять, где он и что с ним. Что вообще произошло? Что за чертовщина? Не сразу до лейтенанта дошло, что это обычное состояние при выходе из анабиоза. Видимо навигационный компьютер что-то обнаружил впереди по курсу, именно это было единственным условием досрочного пробуждения.

Немного придя в себя, Алексей напился воды из трубки над головой, протянул руку и дотронулся до внутреннего сенсорного пульта анабиозной капсулы. На небольшом экранчике высветилась дата. Так, они проспали семьдесят восемь с половиной лет. Довольно много. Еще двадцать два года, и исходники закончились бы, тогда космонавты все равно пробудились бы. Но это произошло раньше срока. Снова напившись, лейтенант нажатием кнопки открыл крышку капсулы и попробовал встать. Это удалось далеко не с первой попытки, голова все еще страшно кружилась.

Как интересно, мичман Петров уже сидит в своей капсуле. Вот же здоровенный лоб, ничем его не проймешь. Даже от анабиоза отходит вдвое быстрее, чем остальные. Да и габаритами обладает внушительными.

– Здравия желаю, господин лейтенант! – повернул к Алексею белобрысую голову мичман. – Проснулись?

– Да, – лаконично ответил он и с трудом выбрался из капсулы, нашел пакет с новым комбинезоном и принялся одеваться, сверкать голой задницей не считал возможным, тем более, что второй мичман вот-вот встанет, а это, как ни крути, девушка. Одевшись и выведя на плечевых экранах нужные погоны, Алексей наконец почувствовал себя тем, кем являлся – русским офицером.

Петров последовал его примеру. А затем из третьей капсулы раздался слабый женский голос:

– Господа, попрошу вас отвернуться.

Офицеры дружно повернулись спиной к капсуле, из нее без промедления выскользнула гибкая девичья фигурка, поспешно схватила пакет с комбинезоном, разорвала и быстро оделась.

– Все, можно поворачиваться, – проинформировала мичман Ямпольская. – Готова к несению службы, господин лейтенант!

– Готов к несению службы, господин лейтенант! – вторил ей Петров.

– Это хорошо, господа офицеры, что готовы, – пристально посмотрел на спутников Алексей. – Идемте в рубку, надо понять, по какой причине автоматика нас пробудила.

С корветом «Решительный» произошла самая страшная для земного корабля вещь – он во время учений, прячась от обнаружения условным противником среди астероидов в кольцах Сатурна, угодил в блуждающую червоточину, из которых еще никто и никогда не возвращался. Банально и просто. Когда до крохотного экипажа из трех человек дошла страшная истина, что корабль находится где-то в межгалактическом пространстве, им стало дурно. Но офицеры быстро взяли себя в руки и принялись искать выход, разве что мичман Ямпольская изредка всхлипывала, но стоило командиру бросить на нее укоризненный взгляд, принимала невозмутимый вид.

К сожалению, перед отправлением на учения трюмы корвета не загрузили припасами согласно предписанию, начальник склада просто отмахнулся от поданных заявок, заявив, что незачем, все равно через три дня флот вернется обратно на базу. Лейтенант подумал и признал его правоту, не став требовать положенного. И теперь экипаж «Решительного» пожинал плоды своей безалаберности. Еды, воздуха и воды при соблюдении жесточайшей экономии хватит ровно на год,

после чего трем офицерам предстоит либо задохнуться, либо умереть от жажды. Либо, чего уж там, застрелиться из табельного оружия. Чтобы не мучиться.

Повезло в одном. Корвет был серии Т-3456А, и последняя буква означала, что на нем должны иметься анабиозные капсулы. После долгих поисков они нашлись, но в самом дальнем трюме, не подключенные, и их подключение к энергосистеме корабля стало той еще эпопеей. Но справились, хотя, как тихо бурчал себе под нос мичман Петров, известный во втором системном флоте перфекционист, через известное место пониже пояса. Но главное, они работали. Понятно, что это не выход, но хоть какая-то надежда добраться до ближайшей галактики через несколько тысяч лет. Правда, придется просыпаться каждые сто лет, заправлять картриджи капсул и снова засыпать. Но космонавты прекрасно понимали, что однажды ресурс реактора окажется полностью выработан, и они просто не проснутся. Но избегали говорить об этом, надеясь, что какое-то чудо их спасет.

Эта итерация была четвертой, то есть шла четвертая сотня лет безнадежного полета к ближайшей галактике, не ставшей за это время ощутимо ближе. Но преждевременно пробуждение говорило, что аппаратура что-то обнаружила впереди. В душе каждого горела лихорадочная надежда, что они нашли что-то такое, что поможет спастись. Глупо умирать где-то в неизвестности молодым офицерам не хотелось. Если бы в бою за Родину, то без проблем, их к этому готовили. Но вот

так... без толка и смысла? По ошибке? Случайно? Не хотелось, и они решили бороться за жизнь до последнего.

Прошло полчаса, прежде чем удалось относительно оживить аппаратуру рубки, для чего пришлось провести полную профилактику и с горечью убедиться, что добрая половина нужных устройств окончательно вышла из строя, не рассчитывали их на такой срок эксплуатации.

– Ну что там? – не выдержала мичман Ямпольская, связист и канонир, у нее подрагивали от волнения руки.

– Прямо по курсу обнаружен шарообразный объект диаметром шестьсот сорок километров, – хриплым голосом ответил Петров. – Металлический. Однозначно искусственного происхождения. Одно только...

– Что? – насторожился командир.

– Разрушения там очень сильные, четверть поверхности вообще в клочья разорвана. Этот корабль однозначно побывал в бою, и серьезном бою.

– Связист, вызывайте по всем доступным диапазонам, – приказал Алексей, сам не находя себе места, он очень надеялся, что станция не заброшена, это однозначно станция, а не корабль, не бывает таких больших кораблей, они просто не нужны.

Минут десять ничего не происходило, а затем Ямпольская радостно вскинулась и выдохнула:

– Отвечают! По-русски!

– Давай на динамики!

Из дребезжащих от старости динамиков рубки прозвучал чей-то уверенный голос:

– Слышим вас, «Решительный». Говорит капитан станции «Тархи Ла», майор Сафронов.

– Здравия желаю, господин майор! – непроизвольно вытянулся Алексей. – лейтенант Глодин, второй системный флот Российской империи! Корабль попал в случайную червоточину и оказался здесь. За прошедшие с тех пор триста семьдесят восемь лет ресурсы почти все израсходованы. Просим помощи!

– Ясно. Погодите минуту, я должен кое-что уточнить. Айтос, мы сможем принять этот корвет на борт?

– Сможем, господин капитан, – ответил еще чей-то голос. – Согласно отчетам аппаратуры, шестой шлюз исправен. Лифты в ангаре также функционируют. Вопрос только в том, сможет ли корвет сесть в ангар самостоятельно? Тяговый луч, к сожалению, вышел из строя.

– Вы слышали вопрос, лейтенант? – поинтересовался майор. – Сможете посадить корабль в ангаре?

– Так точно, смогу! – заверил Алексей. – Мы базировались на станции «Николай III», я ежедневно сажал корвет в ангары, специально обучен этому.

– Хорошо. Айтос, открывай шлюз.

– Сейчас. Он расположен на противоположной от «Решительного» части станции, будет подсвечен сиреневым свечением. Закрыт силовым полем, преодолеть которое для ко-

рабля труда не составит, оно только воздух задерживает. Даю пеленг.

– Мичман, поймали? – повернулся к воодушевленной Ямпольской лейтенант.

– Так точно, пеленг взят, можете вести корвет по нему.

Алексей кивнул, разогнал «Решительного» и принялся облетать станцию. Действительно, на противоположной ее стороне он обнаружил гигантский шлюз, километра в два высотой и три шириной. Он-то думал, что это будет семидесятиметровый, как на «Николае III», шлюзик, в который приходилось буквально втискиваться, а сюда даже линкор войдет, не особо теснясь. Что же за корабли тут принимали?

Аккуратно преодолев завесу силового поля, лейтенант завел корвет в непредставимо огромный ангар, увидел вдали вспыхивающий синим светом круг посадочной площадки, подлетел к нему и опустился внутрь, выпустив опоры в последний момент перед касанием к полу. Затем отключил двигатели и, впервые за последние триста семьдесят восемь лет, погасил реакторы, оставив их на минимальном уровне активации, как положено по уставу на пространственных станциях. Нельзя было допустить серьезного повреждения ангара в случае взрыва, ведь малые корабли прибывали на базу в самом разном состоянии, порой сразу после боя. А драться с американцами, японцами, арабами и европейцами приходилось часто.

– Ох, ничего себе! – выдохнула Ямпольская, вытаращив-

шись на экран.

– Что там? – насторожился Алексей.

– Силовое поле! Оно резко набирает интенсивность, превращаясь в непроницаемый барьер! У нас о таком только мечтали, перекрывали шлюзы броневыми плитами.

– Да сама эта станция – чудо из чудес, – недовольно проворчал Петров, он редко бывал хоть чем-то доволен. – Такие размеры? Обалдеть! Это сколько же палуб здесь? Тысяч двадцать?

– Если не все двадцать пять, – кивнул лейтенант. – Ладно, пошли. Приказываю оставить оружие. Это хоть и русские, но однозначно не наши русские, да и станция, похоже, не земная. Ссориться с хозяевами не стоит. Документы захватите.

Покинув корвет, экипаж принялся осматриваться. И первое, что бросилось космонавтам в глаза – разруха, причем явная. Пыль везде. Разбросанные тут и там непонятные приспособления, сломанные дроиды, а ничем иным эти многорукые существа быть не могли. Возникло ощущение заброшенности станции, многолетней заброшенности.

– Странно... – с недоумением протянул Петров. – Такое ощущение, что тут сотни, если не тысячи лет никого не было...

– Миллионы лет, молодой человек, – поправил его чей-то голос. – Станция была покинута экипажем и сотрудниками шесть миллионов лет назад. Поэтому неожиданное появле-

ние здесь трех десятков русских оказалось немалой неожиданностью.

– А кто вы? – поинтересовался Алексей.

– Местный искин, имя – Айтос.

– Разумный?

– А вас это смущает? – в голосе искина слышалась ирония.

– Если честно, да, – кивнул лейтенант. – У нас это строго-настрого запрещено, искины не доводят до уровня обретения сознания после нескольких очень неприятных инцидентов.

– Ну, если вас это утешит, то я не просто искин, а личность одного из бывших директоров школы «Тархи Ла», – хмыкнул Айтос. – Умирая, согласился на перезапись своего сознания в память искина.

– Это совсем другое дело, – успокоился Алексей. – Хотя у нас искинов такого уровня, чтобы вместили в себя память человека, не было. Но ваша цивилизация, судя по всему, намного опередила нашу по развитию. Мы еще не вышли за пределы Солнечной системы, разве что отправили несколько экспедиций в соседнюю, однако ни одна еще не достигла цели к моменту нашего попадания в червоточину.

– У нас была освоена практически вся галактика, – с грустью сообщил искин. – Более трехсот развитых разумных рас, так называемых старых. И тысячи молодых. Воевали, мирились, организовывали союзы, развивались. Несколько

древних цивилизаций перешло, если вы понимаете о чем речь.

– Да, у нас знали о Переходе, – кивнул лейтенант. – Но не знали его критериев, известно было только, что цивилизация для Перехода должна соответствовать каким-то особым критериям.

– Это долгий и несвоевременный разговор, – сымитировал вздох Айтос. – Хочу сразу предупредить о нескольких вещах. На станции разруха после миллионов лет отсутствия экипажа, а ваши земляки здесь всего около трех суток. Предстоит огромная работа по ее восстановлению и запуску двигателей, чтобы добраться до какой-либо галактики. Поэтому пока что все живут в медцентре, находившемся в стазисе. Дело в том, что станция «Тархи Ла» – это школа в прошлом и, надеюсь, в будущем. Прошу не пытаться захватить власть, иначе я буду вынужден применить жесткие меры. Капитаном утвержден бывший майор морской пехоты Тихоокеанского флота Сафронов Николай Иванович. Вам, господин лейтенант, скорее всего, будет предложена должность старпома, как офицеру космофлота и опытному пилоту. На станции двенадцать, а включая вас, пятнадцать взрослых. И тридцать два ребенка. Часть из них ваши, русские, часть из прежнего состава сотрудников и учеников школы, спавших в стазисе. Домой вернуть вас мы не в состоянии, у самих сейчас одна задача – выжить. Захотите, присоединитесь. Ничего другого мы вам предложить не в состоянии.

– Морпехи – это круто, но они не космонавты, – несколько невпопад заметил Петров. – Но раз выбор сделан, это ваше дело. Господин лейтенант, думаю, нам стоит присоединиться к экипажу станции. Это всяко лучше, чем лететь неизвестно куда без всякой надежды. Думаю, наших ресурсов хватило бы еще на шесть-семь столетних циклов, после чего – все.

– Я тоже за присоединение, – решительно заявила Ямпольская.

– Другого выхода все равно нет, – тяжело вздохнул Алексей. – Мы согласны на присоединение к экипажу станции, уважаемый Айтос.

– Хорошо, – отозвался тот. – Тогда идите к стене напротив, там найдете площадку, окруженную светящейся оградкой, сообщите мне, когда окажетесь там, и я перемещу вас в медцентр.

– Каким образом? – не сдержал любопытства мичман.

– Телепортом, – любезно ответил искин. – Прошу не беспокоиться. Эта технология давно отработана.

Троица военных космонавтов переглянулась, но делать было нечего, и они пошли в указанном направлении. Идти пришлось почти час, прежде чем удалось достичь противоположной переборки, где находилась упомянутая площадка. Немного посомневавшись, офицеры встали на нее, сообщив об этом Айтосу. На мгновение потемнело в глазах, и они оказались в совсем другом помещении – приятного вида холле, где их встретили двое в гражданском. Мускулистый седой

мужчина, в котором по выправке сразу угадывался офицер, и сутулый старик с белой бородкой. Первый был майором Сафроновым, а второй – директором школы Иваном Афанасьевичем Нестеровым.

– Лейтенант российского императорского системного космофлота Глодин Алексей Михайлович! – щелкнул каблуками командир «Решительного». – Мичманы Петров Сергей Иванович и Ямпольская Ядвига Яновна.

– Императорского? – нахмурился капитан станции. – То есть у вас Российская империя, а не Федерация?

– Так точно, империя, – подтвердил лейтенант.

– А из какого вы времени? – поинтересовался директор.

– Из две тысячи сто восемьдесят второго года, – ответил ничего не понимающий Алексей.

– Что-то тут странное... – задумчиво произнес Иван Афанасьевич. – Дело в том, что мы из первой четверти двадцать первого столетия, из Российской Федерации, образовавшейся после распада Советского Союза.

– Советского Союза? – не сдержал любопытства Петров. – А что это?

– Государство, образовавшееся на территории бывшей Российской империи в одна тысяча девятьсот семнадцатом году. Николай II был расстрелян вместе со всей семьей под Екатеринбургом. Советский Союз выиграл величайшую войну в истории, первым вышел в космос, он просуществовал до 1991-го года.

– Это какая-то чушь, простите! – уверенно заявила Ямпольская. – Николай II второй умер своей смертью в тысяча девятьсот тридцать втором году, после чего на престол взошла его дочь Ольга, поскольку сын умер в двадцать шестом от белокровия.

– Ефим Наумович, – позвал кого-то Иван Афанасьевич. – Подойдите сюда, будьте добры.

К ним подошел в сопровождении белобрысого мальчишки явный еврей, который никак не мог оказаться в космосе по очень простой причине – в Российской империи представителей этого хитровыкрученного народа к работе в пространстве не допускали. Он выслушал рассказ директора, задумчиво хмыкнул и констатировал:

– Мы и эти офицеры из разных реальностей, в русской фантастике этот вопрос многократно обыгран. Но вы понимаете, что это значит, Иван Афанасьевич?

– Нет, – растерянно покачал головой тот.

– Мы совсем не обязательно в родной вселенной, – вздохнул Ефим Наумович. – И вопрос возвращения домой подвизает в воздухе. Даже если удастся запустить двигатели. Уверенности в том, что одна из восьми близлежащих галактик наша, теперь нет никакой. История в нашей и их реальности сильно отличается. И в какой именно мы находимся – неизвестно. Дальнейшие выводы делайте сами.

– Вот проклятье! – выругался Николай Иванович. – Я-то думал, что починим станцию и полетим искать Землю...

А оно вон что...

– Поищем все равно, конечно, – вздохнул Иван Афанасьевич. – Но теперь уверенности в том, что найдем, нет. А если и найдем, то не факт, что это будет наша Земля. Но делать нечего. Вы с нами, господа офицеры?

– Естественно, – щелкнул каблуками Алексей. – Деваться нам некуда, поэтому располагайте нами, господин директор.

– В таком случае, я предлагаю вам занять должность старпома, – заинтересованно посмотрел на него Николай Иванович. – Я все-таки морской пехотинец, а не космонавт. Ваша помощь будет очень кстати. Хотя это и не военная станция, а школа, но экипаж должен знать дисциплину.

– А вдруг здесь отстойник для попавших в червоточину кораблей? – вдруг заговорил белокурый мальчик. – Простите, что вмешиваюсь, но я читал что-то подобное недавно. В той книге писалось о множестве кораблей, оказавшихся в так называемом отстойнике, причем это были корабли самых разных цивилизаций из разных вселенных. Сюжет заключался в том, как экипаж земного линкора собирал себе экипаж, поскольку попал в червоточину только с перегонной командой. Айтос, у тебя ведь сохранились корабли?

– Да, и немало, разных классов, – подтвердил искин. – Причем все в стазисе, им надо только профилактику провести, и будут готовы к полету. Отличная идея! Тем более, что теперь экипаж для поисковика имеется. Можно будет порыскать вокруг станции на расстоянии до тысячи светолет, мо-

жет еще кто-то найдется, у нас ведь тоже страшная нехватка экипажа.

– Возьметесь за это дело? – обратился к лейтенанту капитан.

– Конечно, возьмусь! – оживился тот. – Полетать на корабле более развитой цивилизации? Да об этом можно только мечтать!

– А можно будет мне с вами полететь? – загорелись глаза мальчика.

– Извини, Ваня, но ты еще слишком мал для этого, – отрицательно покачал головой директор.

С момента внедрения имплантов и первичного обучения прошли сутки, и Иван Афанасьевич никак не мог привыкнуть к мышлению шестью потоками, это вызывало немалые затруднения, но и давало немало преимуществ. Да и идеальная память поражала. Он сейчас мог вспомнить дословно любую прочитанную когда-то книгу, да даже мельком увиденную газетную заметку. Воспоминания стали четко структурированными, разложенными по полочкам.

Сегодняшнее происшествие стало полной неожиданностью. Учителя и ученики, не находившиеся в капсулах на обучении, очень удивились, когда Айтос вдруг сообщил, что к станции приближается чужой корабль, вызывающий ее в радиодиапазоне, причем на русском языке. Поначалу было обрадовались, что их нашли свои, но быстро поняли, что это невозможно, не имелось на Земле кораблей, способных пре-

одолеть такое расстояние. Но кто это тогда? На коротком совещании было принято решение ответить гостям. И не зря, как выяснилось. Это все же оказались русские, но из другой реальности.

– Ну вот, опять маленький... – огорчился и надулся мальчик. – Так нечестно! Все самое интересное мимо меня проходит!

Алексей с улыбкой наблюдал за ним. Именно из таких вот юных любителей фантастики и вырастают космонавты, мастера и ученые, тянущие вперед всю страну. Обыватели никуда, кроме болота, ее не заведут, нужны энтузиасты. Он и сам был таким в детстве.

– Как вижу, у нас пополнение, – раздался приятный женский голос.

Лейтенант обернулся и чуть не упал – на него смотрела четырехрукая, синекожая женщина с довольно симпатичным лицом. Инопланетянка, точно инопланетянка! Хотя Айтос же говорил, что кое-какие сотрудники школы из прежнего экипажа пребывали в стазисе.

– Как я слышала, вы тоже долго спали, – продолжила незнакомка. – А значит вас нужно как можно быстрее обследовать, чтобы своевременно купировать возможные проблемы. Я здешний медик, Халана Кейто Эмрис. Какого типа был ваш стазис?

– Не стазис, анабиоз, госпожа доктор, – поправила ее мичман Ямпольская, тоже во все глаза рассматривавшая инопла-

нетянку.

– Анабиоз?! – ахнула медик. – То есть вас замораживали, а потом размораживали?!

– Именно так, – подтвердила девушка.

– Какой ужас! – обхватила свои щеки одной парой рук медик. – Да у вас же страшное с клетками сейчас творится! Немедленно в медкапсулы, вас надо срочно лечить, пока проблемы не стали неустранимыми! По известным мне данным хотя бы трехкратное использование анабиоза приводит к полной атрофии мышц за какие-то несколько лет!

– Все настолько серьезно? – встревожился Алексей, врачам он привык доверять, они не раз спасали ему жизнь.

– Серьезнее, чем вы думаете, – заверила госпожа Эмрис. – Идемте. Господин директор, забираю у вас молодых людей. И да, направьте ко мне этого вашего алкоголика, Булыгу. Я могу полностью излечить его от алкогольной зависимости и обновить организм до тридцатилетнего возраста, как у вас сейчас, а он не хочет от нее избавляться. Вы представляете?! Бурчит, что это его единственная отрада в жизни. И все просит спирта. Естественно, я не даю, не хватало еще поощрять пьянство! Попробуйте вы уговорить его. Иначе я буду вынуждена поместить его в капсулу насильно при помощи меддройдов и поставить блок в сознании, чтобы забыл о спиртном.

– Забирайте насильно, я уже пытался говорить с ним, – скривился Иван Афанасьевич. – Бесплезно. Вы можете обе-

щать, что пить после лечения он не будет? Ведь образованный же человек, профессор физики, а водка стубила!

– Гарантию даю, – усмехнулась медик. – Хорошо, я разберусь. Прошу также отправить ко мне всех, у кого еще нет мозговых имплантов, без них на станции разумный слеп и глух. Айтос, будь добр, разработай график обучения. Прежде всего учителей, профессор Маор разработал для каждого методики первичного овладения даром, причем очень толковые. Господин директор, господин капитан, прошу не манкировать тренировками, вы сами знаете, что начать ремонт мы сможем только после вашего окончательного вступления в должность. Пока все. Молодые люди, следуйте за мной.

Космонавты сразу поняли, что этой женщине перечить не следует, ей лучше повиноваться, проще будет. Тем более, что ничего дурного она им не сделает, они ощущали это подсознательно. Поэтому последовали за медиком в рамку телепорта, а оказавшись в стазисном зале, покорно разделись и легли в капсулы, вскоре заснув. Бог услышал их молитвы и послал спасение. Теперь главное воспользоваться предоставленной возможностью.

Глава 6

– Раньше, чем через неделю, новички из капсул не выйдут, – сообщила госпожа Эмрис на следующее утро. – У них с клеточной структурой сущий кошмар творится. Пять заморозок, пять! Это кто же такой умный был, что такое придумал?! Ни один из них и до тридцати пяти не дожил бы, и умирал бы очень тяжело. Буквально все клетки поштучно перебирать придется!

– А у них выхода другого не было, – вздохнул Николай Иванович. – Либо сразу помирать, либо так. До стазиса на их Земле еще не додумались. Они даже за пределы Солнечной системы толком не вышли.

– Понимаю, – вздохнула медик. – Просто мне больно видеть, когда разумные так поступают со своими телами. Вот и возмутилась. Хорошо, что до нас добрались, славные ребята. А вот вам, господа, я пошла навстречу, оставила прежнюю внешность, но вы учитывайте, что сейчас вам, по физическому состоянию, не шестьдесят с плюсом, а примерно по тридцать. И вашим мышцам следует давать нагрузку в спортзале. Хотя бы по часу в день.

– Ясно, – кивнул капитан, директор только вздохнул, спорт он никогда не любил, будучи стопроцентным книжником. – И не вздыхайте, Иван Афанасьевич! Врач полностью права. Раз уж нам достались молодые тела, то их следует дер-

жать в тонусе.

– Согласен, но удовольствия от этого не испытываю ни малейшего. Что по основным инфопакетам контроля над даром? Когда будете их внедрять?

– Через три дня, – ответила госпожа Эмрис. – У вас пока не усвоились первичные, это не такой быстрый процесс, как хочется. К тому же следует пройти несколько начальных уроков у архимагистра. Перед внедрением пакетов вам следует выстроить так называемую точку опоры, без ее наличия никакое тонкое манипулирование энергиями невозможно, а любая попытка приводит к выгоранию, после которого только смерть, причем весьма мучительная. Поймите, то, что невежды называют магией – это далеко не игрушки, к энергетическому манипулированию следует относиться со всей возможной серьезностью. Оно очень многое дает.

Иван Афанасьевич с Николаем Ивановичем только вздохнули – им трудно было относиться к сказочной магии серьезно. Но раз надо, то придется этому научиться. Они хотели было отправиться к профессору Маору, но не успели – из стазисного зала вернулись остальные учителя и завхоз. Все они сильно помолодели и сейчас выглядели лет на двадцать пять, разве что трудовик казался тридцатилетним из-за своей окладистой бороды. Отсутствовали только Ирина Васильевна и Булыга, которым предстояло провести в капсулах еще несколько дней для пробуждения дара. Последнего, к тому же, ждало полное преобразование тела, омоло-

жение и избавление от страсти к алкоголю и никотину. Его, к счастью, не пришлось заставлять идти в медцентр силой – по здравому размышлению бомж все же согласился, что избавление от вредных привычек будет для него благом, и с тяжелыми вздохами отдался в руки госпожи Эмрис. Та не преминула погнать пациента как следует вымыться, поскольку несло от него так, что глаза слезились. А потом уложила в медкапсулу, выбросив всю одежду Булыги в дезинтегратор, стирать эти вонючие тряпки смысла не имело. Благо новых комбинезонов в медцентре хватало, будет во что одеть его после пробуждения.

– Вот и отлично, – удовлетворенно кивнула медик. – Вместе и идите к архимагистру. Первый урок лучше проводить для всех. Одно попрошу запомнить твердо. Вы не обычные энергеты, вы носители темного дара! А он очень опасен сам по себе. Одно неверное действие, и вы либо сами пострадаете, либо пострадают окружающие, в том числе и дети. Приведу один пример. Так случилось, что сопровождающий группу школьников в длительном походе наставник ухитрился лечь спать на древнем могильнике, прямо над глубоко закопанной могильной плитой. Получил, как и все вы, темный дар. А через пару дней в сердцах пожелал балующимся непослушным детям провалиться сквозь землю. Грунт мгновенно превратился в болото, и дети почти все погибли. Думаю, вы подобного не хотите.

– Нет, конечно! – содрогнулась Мария Степановна, пред-

ставив себя на месте бедного наставника, когда он понял, что натворил. – Благодарим за рассказ, это повод задуматься.

– Хорошо, – удовлетворенно кивнула медик. – Идите, вас ждут в шестьдесят четвертой кают-компании.

Указанное помещение находилось довольно далеко в глубине жилого комплекса, плюс было закрытым. В нем когда-то, видимо, проводились собрания персонала, поскольку оно было заставлено рядами кресел. В этот момент землянам и довелось впервые увидеть осознанное использование магии, как, похоже, придется называть энергетическое манипулирование. Не энеманом же его звать? Уж больно аббревиатура нелепая. Профессор Маор легким шевелением пальцев поднимал ряды кресел в воздух, затем скатывал их в крохотные рулончики, которые прилеплял к стене. Это настолько впечатлило завуча, что она икнула с вытаращенными глазами.

– Добрый день, дамы и господа! – поздоровались архимагистр и стихийница, которую учителя поначалу не заметили, она скромно стояла в уголке. – Очень хорошо, что вы все пришли, не придется повторять основной урок дважды.

– Еще двое в медкапсулах, – возразил Иван Афанасьевич. – Да и новички.

– Ах да, запаматовал, – поморщился профессор Маор. – Ладно, повторю. Для начала хочу объяснить вам кое-какие аксиомы, в нашей цивилизации их знали даже дети, но вам они вряд ли известны. Иногда их еще именуют законами ма-

гии, хотя в полном смысле законами они не являются. Итак, первый из них – закон Знания¹. Разумный, использующий энергетическое манипулирование, должен четко знать, чего именно он хочет добиться, предпринимая любое действие. Чем больше вы узнаете, тем становитесь сильнее. Если ваше знание о чем-либо закончено и совершенно, то вы обладаете абсолютной властью над данным явлением. Ключевая фраза этого закона: «Знание – сила». Чем больше вы знаете, тем вы лучше владеете своим даром. Особенно это касается темных. Если Свет еще допускает невежество, основанное на вере, то Тьма – никогда. Она требует прежде всего знаний. Дополнением к закону Знания идет закон Самопознания. Чем лучше разумный знает свое сознание и свое тело, тем более он приспособлен для выживания. И, естественно, знает свои возможности и свои ограничения. Ключевая фраза: «Познай себя».

– Простите, это нужно записать, – как примерная ученица подняла руку Мария Степановна.

– Зачем? – удивился архимагистр. – А, ясно, вы еще не привыкли к мозговым имплантам. Они записывают все происходящее вокруг вас в фоновом режиме, и эти записи в любой момент можно просмотреть. А можно отдать импланту приказ перевести видеозаписи в текстовый формат и сохранить. Также можно создать базу данных в памяти ис-

---

¹ Нижеописанные законы магии найдены на разных сайтах интернета и адаптированы под разработанную для этой книги систему. (Прим. автора).

кина, и сделать ее общедоступной чтобы все могли вносить в нее изменения. Айтос будет контролировать процесс и не допустит внесения в базу изначально ложных сведений.

– Благодарю, – наклонила голову завуч, – мы действительно еще не привыкли, что есть такие возможности.

– Тогда продолжу. Некоторые школы еще выделяют законы Имен и Силы Слов. Но это касается прежде всего тех школ, в которых используются словесные конструкции, так называемые заклинания или заговоры. Или ритуалистов. Я же предпочитаю и учеников своих учу либо разнородным энергетическим плетениям, либо прямому мыследействию, поэтому с этими двумя законами знакомить вас не буду, если захотите, самостоятельно ознакомитесь с ними в библиотеке, доступ в нее через импланты для взрослых свободный, а для детей ограниченный, только с разрешения наставников. Ритуалистику в «Тархи Ла», к моему глубочайшему сожалению, преподавать некому. Очень полезная дисциплина. Но оставим сожаления и перейдем к закону Ассоциации. Если две вещи имеют что-то общее, неважно что именно, то это может быть использовано для контроля над обеими. Эти вещи оказывают воздействие друг на друга в зависимости от степени их общности. Чем больше они имеют общего, тем сильнее это воздействие. Но данный закон редко используют в чистом виде, чаще используют два наследующих ему – Сходства и Сродства. Первый является основой так называемой «симпатической магии» и в упрощенной форме гласит,

что следствия сходны с причинами. Помните: любой предмет, идея или личность, напоминаящий вам или ассоциирующийся с конкретным феноменом или сущностью, обладает частицей силы этой сущности и может быть использован так же, как и сама сущность. Например, перья, щебет и другие «реквизиты», связанные с идеей полета, могут использоваться для создания феномена полета. Ключевая фраза закона Сходства: «То, что выглядит подобным, является подобным».

– Не совсем понял, – Ефим Наумович растерянно посмотрел на профессора Маора. – То есть, навесив на какой-то предмет перья и почирикав над ним, мы добьемся того, что он полетит?.. Но ведь это не так!

– Не так, – с улыбкой подтвердил тот. – Но данные действия несколько увеличат шанс полета. На самом деле этот закон чаще всего используется в плетениях и рунных конструктах во время создания сложных артефактов. При их помощи артефакту передаются нужные свойства, но требуются расчеты, чтобы не ошибиться. Это мы будем рассматривать позже, когда вы изучите инфопакеты по энергоматике и магоматике. Пока же вернемся к первичным законам. Следующим идет второй исходящий из закона Ассоциации закон – Сродства. Он гласит, что «вещи, однажды находившиеся в контакте, продолжают взаимодействовать после разделения». Здесь делается акцент на предметах или людях, вступавших в физический контакт друг с другом. Ключе-

вая фраза: «Сила пронизывает собой все». Закон Ассоциации со своими многочисленными следствиями используется намного чаще, чем любой другой. Поскольку магия является преимущественно функцией разума, можно ожидать, что этот закон тесно связан с принципом работы мозга и шестой оболочки души. И это действительно так, поскольку главная их функция заключается в ассоциативном мышлении. Ключевая фраза закона Ассоциации: «Общность управляет частностями», некоторые упрощают, говоря вместо «частностями» – «вещами», но я с такой трактовкой не согласен.

– Одну минуту, – потер виски Иван Афанасьевич. – То есть все связано со всем? У нас некоторые увлекающие личности утверждали, что даже сорванная травинка связана с погасшей в далекой галактике звездой, а мы просто не в состоянии уловить их связи, поскольку не понимаем каковы они. Но эти связи есть, и если знать, как воздействовать на что-либо, то можно получить нужный результат, совершив так называемое минимально необходимое воздействие, которое может заключаться в простой перестановке двух предметов с места на место. И если все рассчитано правильно, то результат будет достигнут. Это так?

– Так, – с улыбкой подтвердил архимагистр. – Но то, о чем вы говорите, уже божественный уровень, а то и уровень демиургов. Обычному разумному даже при помощи искинов не хватит жизни, чтобы без ошибок произвести хотя бы один расчет такого рода воздействия. Но вы правы, это именно

закон Ассоциации, его следствия.

– Сложно, – покрутил головой директор, почти все остальные поддержали его согласным гулом. – Понимаете, мы из технологического, материалистического мира, нам нелегко уложить в сознании хотя бы наличие богов и прочих высших существей.

– Это кому как, – не согласился химик. – Мне легче, поскольку всегда любил фантастику и фэнтези, а в последнем каких только систем магии нет. Я только, если разберусь с имплантом, смогу десятка три описать.

– Был бы очень благодарен, если бы вы меня ознакомили с этими описаниями, – заинтересовался профессор Маор.

– Когда сделаю, обязательно ознакомлю, – пообещал Ефим Наумович. – Тут бы еще одного мальчика задействовать, он, невзирая на возраст, не меньше меня фэнтези прочитал. Я Ваню Лугового имею в виду.

– Сегодня детям должны установить особые детские импланты, помогающие мозгу развиваться, после этого мальчик тоже сможет выделить из прочитанных когда-либо текстов нужную информацию.

– Я ему скажу. Можно спросить?

– Спрашивайте, – с интересом посмотрел на химика архимагистр.

– А вероятностная магия существует? – поинтересовался тот.

– Что вы подразумеваете под этим? – явно насторожился

профессор Маор.

– Прямое управление вероятностями посредством особенностей мозга вероятностного ментата, – пояснил Ефим Наумович. – То есть оный ментат делает изначально очень маловероятное событие стопроцентно вероятным, и оно тут же происходит. Делается это посредством подмены созданным магом плетением основной линии вероятности. Это очень упрощенное объяснение, в книге, где я его вычитал, оно дано намного подробнее, если хотите, я вытащу объяснение.

– Не надо, – поднял ладонь профессор Маор. – Я знаю, о чем вы говорите. Да, такая магия существует, но ее носители чрезвычайно редки, у нас на всю галактику их было то ли трое, то ли четверо. Так что давайте вернемся к теме урока. Итак, следующий закон называется законом Идентификации, сочетающим законы Знания, Ассоциации и Персонализации. Он гласит, что благодаря максимальной ассоциации между вашей метасхемой и метасхемой иной сущности вы можете временно стать ею и обрести ее силу. Творческий акт вживания в образ другой сущности даст вам не только новые сведения, но и представление о том, как данная сущность воспринимает себя изнутри. В итоге вы изучите свою личную метасхему с точки зрения другого сознания. Это приводит к более тесному сродству, но чревато отождествлением себя с другим. Всякие мысли о разделении исчезают, и вы можете делать все, на что способна сущность,

поскольку отныне являетесь ею. Таким образом наставники делятся своими знаниями с учениками. Нам с вами это предстоит освоить, поскольку потом вам предстоит учить детей. Но тут есть подводные камни, которые обязательно надо учитывать. Многие люди порой настолько теряются внутри чужой сущности, что не способны выбраться обратно и снова стать собой. Они теряют осознание себя, как самостоятельной личности. Но два существа не равны, поэтому сильнейшее поглощает слабейшее. В зависимости от общества и культуры это состояние известно либо как безумие, либо как святость. Закон Идентификации имеет преимущественно теургическую природу, поскольку, достигнув цели, вы больше не в состоянии продолжать эксперименты, да и не хотите этого делать. Если идентификация временная, мы имеем нечто, называемое одержимостью «небесными» или «демоническими» силами. Ключевая фраза: «Одно может стать другим».

– Очень интересно! – загорелись энтузиазмом глаза Ефима Наумовича. – То есть вы сможете значительно ускорить наше обучение посредством этого закона?

– Не самого закона, а практик, использующих его, – уточнил архимагистр. – К тому же с каждым из вас в мое сознание отправится леди Хебонель, чтобы вывести вас, если начнете растворяться в моей метасхеме. Не беспокойтесь, методика давно отработана и опробована, мы все проходили это в начале обучения, так что ничего страшного. Зато это чуть ли

не стократно ускорит обучение, а вам надо как можно скорее пройти сертификацию. Пока капитан и директор не полномочны, мы почти ничего не можем исправить. Тем более, что основной источник спит, и как его разбудить я понятия не имею. Его и найти-то проблема без его желания. Он разумен, но очень своеобразно разумен, нам никогда разум такого порядка не понять.

– Ясно, – кивнул Иван Афанасьевич. – Ускорение обучения – это очень хорошо, ведь детей тоже надо обучать, у них тоже темный дар.

– А это очень опасно, дети далеко не всегда понимают слово «нельзя», – вздохнул профессор Маор. – Но давайте продолжим урок. Следующий у нас закон Синтеза или единства противоположностей, он гласит, что в результате синтеза двух противоположных идей рождается третья, более высокого уровня, чем первые две. Эта третья идея является не компромиссом между двумя предыдущими, а чем-то совершенно новым. Порой переворачивающим все с ног на голову, такое не раз случалось.

– У нас этот закон был известен в науке диалектике, – вмешался Константин Петрович. – Только назывался законом единства и борьбы противоположностей. Но выводы из него следовали те же. Однако Гегель сформулировал не один, а три закона. Первые два – закон перехода количественных изменений в качественные и закон отрицания отрицания.

– Не могли бы вы сформулировать мне последний? – с яв-

ным интересом посмотрел на него архимагистр.

– Не проблема, – пожал плечами трудовик и процитировал, на плохую память он никогда не жаловался и помнил формулировку еще со времен обучения в институте: – Отрицание отрицания означает, что переход из одного качественного состояния в другое произошел после преодоления старого качества и вторичного принятия в новом виде того, что было накоплено на предшествующей ступени. Процесс развития носит поступательно-повторяемый характер. Новое всегда отрицает старое и занимает его место, но постепенно уже само превращается из нового в старое и отрицается все более новым. Таким образом, развитие скорее идет не линейным образом (по прямой), а по спирали: причем каждый виток спирали повторяет прежние, но на новом, более высоком уровне.

– В общем, все верно, – кивнул профессор Маор. – Ваш Гегель объединил в одном законе два, поэтому сразу перейду к следующему, закону Противоположностей, гласящему, что любую характеристику можно разделить на две противоположные, и каждая из этих противоположностей содержит в себе сущность другой. Данный закон часто проявляется в комментариях, наподобие «черноты белого и белизны черного» и так далее. Фактически сама сущность черного заключена в сущности белого, и наоборот. Одного этого уже должно быть достаточно, чтобы раз и навсегда понять неправоту идиотов, верящих в «черную магию», «белые ча-

ры» и прочую чушь. Как ни жаль, переубедить религиозных фанатиков невозможно.

– Основные монотеистические религии нашей планеты вообще отрицают магию, как таковую, – вздохнул директор. – В их книгах говорится, что где встретил ворожею или чародея, там их и убей. В итоге в средние веки заживо сожгли всех красивых женщин в Европе, там полагали, что раз красивая, то обязательно ведьма.

– Это же как они изуродовали свой генофонд? – ошарашенно покачал головой архимагистр.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.